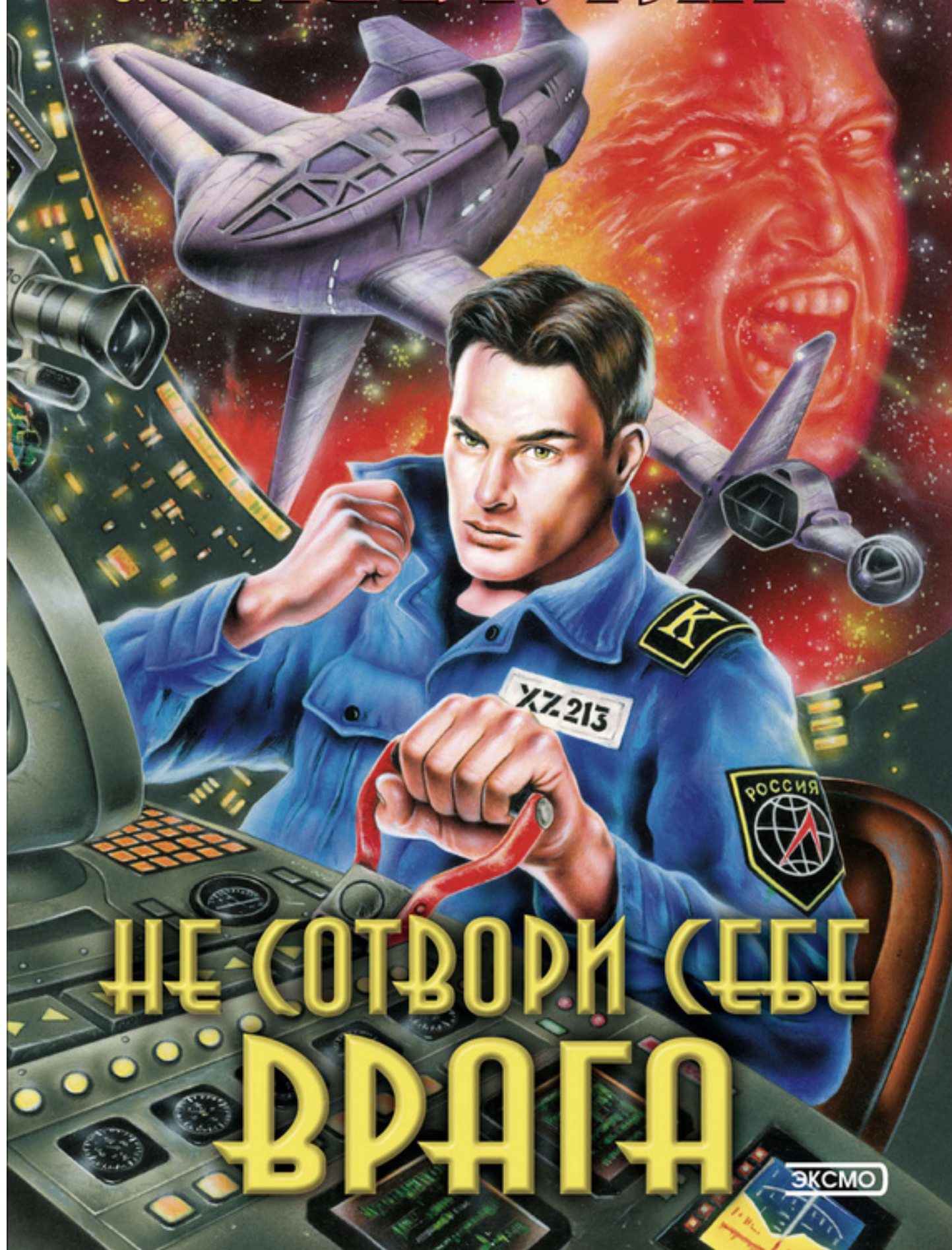

АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ

АЛЕКСЕЙ КАЛУГИН

НЕ СОТВОРИ СЕБЕ
ВРАГА

ЭКСМО

Алексей Калугин

Не сотвори себе врага (сборник)

«ЭКСМО»

Калугин А. А.

Не сотвори себе врага (сборник) / А. А. Калугин — «Эксмо»,

Мир кажется серым и будничным, но это только на первый взгляд. Стоит только пошире открыть глаза и дать волю своему воображению, как обыкновенный подъезд превращается в пещеру ужасов, на Марсе распускаются цветы, а безграничный и загадочный Космос оказывается населен огромным количеством разумных существ, среди которых есть и враги, и друзья. Главное – не пугайтесь опасностей и приключений – вам все равно их не избежать, если вы отправитесь в путешествие вместе с героями фантастических рассказов Алексея Калугина. В сборник вошли следующие рассказы: Рождество рядового Берковица Миссия Сеющие ветер Мы просто живем здесь Щит Не только во сне Убей зверя Закрытый канал Пора уходить Овцы и псы Служба оперативного оповещения Сережик Дед Первый день творения Вам было не очень страшно? Экспромт Нет проблем! Волчок и горсть песка Помогите себе сами Красные пески Тур вокруг Солнца Праздник Падающих Листьев Случай с Кроксом Сколько у меня будет братьев? Все как всегда На закате Немного одиночества Живое слово Импровизация

© Калугин А. А.

© Эксмо

Содержание

НЕ СОТВОРИ СЕБЕ ВРАГА	5
РОЖДЕСТВО РЯДОВОГО БЕРКОВИЦА	5
МИССИЯ	16
СЕЮЩИЕ ВЕТЕР	21
МЫ ПРОСТО ЖИВЕМ ЗДЕСЬ	49
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Алексей Калугин

Не сотвори себе врага (сборник)

НЕ СОТВОРИ СЕБЕ ВРАГА

РОЖДЕСТВО РЯДОВОГО БЕРКОВИЦА

Мне почудилось, что я умер.

Черт возьми, это оказалось совсем не так уж плохо, как представляется живым. В особенности тем, кто ни разу не попадал к нам на переднюю линию обороны в тот момент, когда трагги ведут массированный артобстрел.

Я подумал, что умерли все. Я – это уж само собой. А также командир нашего расчета лейтенант Шнырин и двое моих приятелей – рядовые Динелли и Берковиц, – с которыми я вместе сидел вот уже пятую неделю в грязной и вонючей песчаной яме рядом со здоровенным стальным монстром, из которого мы время от времени, выполняя приказания командования, палили куда-то в небо. Весь расчет строился на том, что наши снаряды непременно угодят в окопы траггов. Возможно, так оно и было. Да только нам об этом ничего не известно. Мы предпочитали не высовываться за бруствер своего окопа. Так было проще, война превращалась в набор рутинных действий, которые каждый из нас должен был выполнять.

Так продолжалось до тех пор, пока шальной снаряд траггов, пролетевший по какой-то совершенно немыслимой траектории, не взорвался, зарывшись в заднюю стенку нашего окопа.

Наибольшее удовольствие мне доставляло полное безмолвие, присущее, как выяснилось, потустороннему миру. Тишина на войне – сама по себе вещь почти немыслимая. Все время вокруг тебя что-нибудь грохочет, стреляет или взрывается. На худой конец – командир орет как оглашенный, пытаясь перекрычать треск статических помех, в надежде, что его доклад будет услышан на командном пункте. В такие минуты у меня порою возникали сомнения, есть вообще кто живой на противоположном конце линии связи или же лейтенант просто орет в пустоту, дабы убедить себя и нас, что командование о нас пока еще не забыло?

Нет, конечно же, о нас не забывали. Доставка провианта, воды, писем и – что самое главное! – боеприпасов осуществлялась бесперебойно. Незадолго до накрывшего нас взрыва с той стороны песчаной пустыни, которую мы отчаянно обороняли, к окопу подъехал радиоуправляемый автокар и свалил на землю груды алюминиевых ящиков. Ко всеобщей радости, среди стандартных маркированных контейнеров оказался еще и мешок с почтой.

Разбросав в сторону ворох газет, которые давно уже никто не читал, мы выгребли из мешка письма. Три письма лейтенанту Шнырину, одно – мне и по два Динелли и Берковицу.

Последнему, помимо писем, предназначалась и небольшая картонная коробка.

– Это от мамы, – благоговейным полупшепотом сообщил Берковиц, взяв в руки посылку.

Мы все, затаив дыхание, наблюдали, как он открывал коробку. Словно надеялись, что сейчас произойдет какое-то чудо.

Но чуда не произошло. В коробке находился торт домашней выпечки, от которого за то время, пока посылка проходила по всем инстанциям армейской пересылки, а затем летела с Земли на Марс, остались только твердые, как камень, бесформенные и местами заплесневевшие куски. Берковиц попытался было погрызть один из них, размочив предварительно в кружке с горячим чаем, но, едва только попробовав то, что получилось, выплюнул и закинул коробку в дальний угол окопа, где у нас находилась мусорная куча.

Предварительно Берковиц достал из коробки пару красных шерстяных носков ручной вязки. С ними-то за время доставки ничего не случилось.

Натянув один из носков на руку, Берковиц сначала понюхал его, а затем, чуть наклонив голову, медленно провел им по грязной, заросшей недельной щетиной щеке.

Неожиданно выражение лица Берковица изменилось. Он быстро сдернул носок с руки. В руке, зажатая между средним и указательным пальцами, осталась небольшая прямоугольная открытка, на которой была изображена наряженная елка.

– Это что еще такое? – удивленно посмотрел на открытку лейтенант.

Берковиц перевернул небольшой глянцевый прямоугольник и прочитал текст на обратной стороне открытки.

– Поздравление с Рождеством, – сказал он.

И его тонкие губы расплылись в счастливой улыбке.

– С Рождеством? – удивленно переспросил я. – Разве уже был Новый год?

– У вас, русских, все не как у людей, – усмехнувшись, махнул на меня рукой Динелли. – Рождество приходит на неделю раньше Нового года.

– Да ну? – недоверчиво посмотрел я на Динелли – итальянец был мастером на всевозможные розыгрыши.

– Точно, – кивком подтвердил его слова лейтенант Шнырин. – У католиков Рождество наступает на неделю раньше Нового года.

– Слушай, а ты разве не еврей? – спросил я у Берковица.

– Еврей, – кивнул он.

– Так какой же ты, в таком случае, католик?

– А я и не говорю, что я католик.

– Разве у евреев тоже бывает Рождество?

– Для нас, точно так же, как и для подавляющего большинства тех, кто чисто формально причисляет себя к христианскому миру, Рождество давно уже стало праздником, не имеющим никакого отношения к религии, – ответил мне Берковиц. – Скорее это что-то вроде подготовки к празднованию Нового года.

– А где же, в таком случае, официальное поздравление от командования? – поинтересовался Динелли.

– Откуда мне знать? – пожал плечами лейтенант. – Кто-нибудь вообще-то знает, какое сегодня число?

Ответить ему не смог никто.

С того момента, как мы десантировались на Марс, время для нас перестало существовать. Оно исчезло неизвестно куда: то ли оказалось разорванным в клочья воющими, словно бешеные псы, снарядами траггов, то ли растворилось в нашем собственном тягостном ожидании очередного артобстрела. Наверное, и красноватые марсианские сумерки так же не способствовали быстрой и безболезненной адаптации к новому режиму смены дня и ночи. Хотя скорее всего все дело заключалось в том, что после недельного пребывания в окопах всем нам стало до такой степени омерзительно и одновременно безразлично все происходящее вокруг, что мы подсознательно перестали обращать внимание на ход времени. В конце концов, какая разница, как долго ты просидишь в грязном, вонючем окопе, питаешься просроченными консервами, вызывающими не столько чувство насыщения, сколько мучительную изжогу, и запивая их абсолютно безвкусной коричневатой бурдой, которую, в зависимости от того, что значилось на этикетке, мы называли то чаем, то кофе, если в конечном итоге всех нас ожидал один и тот же подарок – случайно залетевший в окоп вражеский снаряд.

Случайно – потому что конкретно в наш или в чей-то другой окоп трагги, конечно же, не целились. Они просто молотили наугад по нашей территории. А мы отвечали им тем же самым.

Такая война могла продолжаться до бесконечности.

Но вот из-за чего она, собственно, началась, мы, те, кто вот уже без малого два месяца сидит, зарываясь все глубже в красноватый марсианский песок, скорее всего никогда уже не узнаем. Войну начинают президенты и стоящие за их спиной генералы. Нам же, простым рядовым, сержантам, как, впрочем, и младшим офицерам вроде командира нашего артиллерийского расчета лейтенанта Шнырина, предоставляется только право героически погибнуть на этой войне. Если полистать газеты, которые мы давно уже не читаем, то на страницах, где речь идет о боевых действиях, можно найти списки особо отличившихся и получивших за это высокие правительственные награды солдат вместе с описаниями совершенных ими подвигов. Возможно, на Земле эти сводки кто-то и принимает за чистую монету, но мы-то отлично знаем, чего они стоят. Человека разорвало на куски снарядом траггов, когда он вылез из окопа, чтобы, спустив штаны, посидеть спокойно на корточках пару минут в стороне от всех, а в газете напишут, что он героически погиб во время боевой операции, до конца исполнив свой солдатский долг.

Тупая, бестолковая война.

Наверное, все было бы не так ужасно, если бы каждый из нас мог четко представить себе, ради чего мы сражаемся и гибнем на планете, до которой прежде никому на Земле не было никакого дела.

На идее колонизации Марса был поставлен большой и жирный крест лет десять назад, после того, как очередная попытка отыскать на нем запасы воды завершилась неудачей. Вода на Марсе была, но не в тех количествах, какие требовались для того, чтобы колонисты могли начать полномасштабную хозяйственную деятельность. А может быть, нам просто не удалось ее найти. Какая разница. Суть в том, что Международная организация стратегического планирования, заслушав очередной доклад представителя Комитета по аэронавтике и исследованиям космического пространства, вынесла вердикт, что деньги налогоплательщиков, вкладываемые в изучение Марса, расходуются понапрасну. Все. Программе исследования и освоения планет Солнечной системы пришел конец. Предназначенные для нее средства были направлены в иное, более перспективное русло.

На Марсе продолжали работать две или три геологические экспедиции. Но все это была рутина. Мы просто обозначали там свое присутствие, а вовсе не пытались отыскать пути к потенциальным богатствам почти неисследованной планеты. С теми скудными средствами, что были в распоряжении организаций, занимавшихся изучением Марса, они не имели практически никаких шансов сделать открытие, которое смогло бы вновь привлечь к нему внимание широкой общественности.

Если не ошибаюсь, на Марсе работала еще и археологическая экспедиция, организованная на средства некоего богатого мецената, который надеялся отыскать под красными песками следы пребывания инопланетян и тем самым обессмертить свое имя. Но, насколько мне известно, никаких результатов, которые можно было бы назвать хотя бы обнадеживающими, эта экспедиция не добилась.

О Марсе вспомнили вновь, только когда появились трагги.

Наверное, сегодня восстановить первоначальную цепочку событий, приведших в конечном итоге к войне, не сможет никто. Быть может, только траггам известно, как все произошло на самом деле. Мы же, как всегда, стали жертвами собственной политики секретности, которая, естественно, оправдывалась исключительно интересами национальной безопасности.

В первый же момент, как только в Межгосударственный совет Земли поступило сообщение о приближении к границам Солнечной системы флотилии инопланетных кораблей, на всю информацию, касающуюся данного факта, был наложен гриф строжайшей секретности. Посоветовавшись, руководители государств пришли к выводу, что сообщение подобного рода, переданное через средства массовой информации, непременно вызовет вспышку панических настроений среди населения. А потому, чтобы избежать утечки, все астрофизические лабо-

ратории были переведены на военное положение. Служащим было запрещено покидать прилегающие к обсерваториям территории, обнесенные колючей проволокой и контролируемые войсками особого назначения, а поговорить по телефону с домом они могли только через процессорный фильтр, который мгновенно обрывал связь, как только улавливал одно из нескольких тысяч заложенных в его памяти ключевых слов, произносить которые строжайшим образом запрещалось. Все лабораторные компьютеры, естественно, были отключены от Всеобщей коммуникационной сети, что также создало определенные проблемы для исследователей космоса.

Но, несмотря на ухищрения тех, кто хотел все сохранить в секрете, каким-то образом информация о кораблях инопланетян все же попала во внешний мир. Слухи распространились со скоростью лесного пожара, а сообщения информационных агентств, старательно опровергающие их, только подлили масла в огонь.

Кстати, никто не знает, откуда появилось само название инопланетян. Траггами их стали называть задолго до того, как глава Межгосударственного совета объявил о том, что над Землей нависла угроза инопланетного вторжения. Берковиц как-то сказал, что траггами называли инопланетян в одном из старых фантастических телесериалов. Не знаю, я такого сериала не помню.

Кто проводил переговоры с траггами, какие вопросы на них обсуждались и каковы были их результаты, также до сих пор хранится в тайне. Официальное заявление о прибытии звездного флота пришельцев было сделано только после того, как трагги высадились на Марсе. И сводилось оно к тому, что мы должны – да нет, не должны, а просто-таки обязаны! – дать отпор инопланетным агрессорам, вторгшимся на нашу территорию, каковой было решено считать всю Солнечную систему.

Официальная пропаганда уверяла, что трагги избрали Марс только в качестве своей военной базы. Основной же их целью, вне всяких сомнений, является Земля, удар по которой они нанесут сразу же после того, как закрепятся на соседней планете. Ну а мы, само собой, не могли допустить подобного и должны были начать бить врага на его, то есть на нашей территории. Короче: не отдадим врагу родного Марса!

Мне с самого начала все эти заявления казались несусветной глупостью. Ни один корабль траггов даже не пересек орбиту Марса, чтобы хоть попытаться приблизиться к Земле. Учитывая то, что Земля не имела никакой орбитальной системы безопасности, корабли траггов без боя могли занять господствующее положение в околоземном пространстве. После этого ни один звездолет землян попросту не смог бы подняться в космос.

Но вместо этого трагги высадились на Марсе. А это означало, что им был нужен именно Марс, а не Земля.

Берковиц – парень башковитый. Честно признаться, когда речь заходит о вторжении траггов, я склонен в большей степени верить его догадкам, которые сам он называет аналитической реконструкцией цепочки событий, приведших к известным нам результатам, нежели заявлениям официальной пропаганды, которая пока что не успела обвинить траггов разве что только в том, что во время своих религиозных церемоний они приносят в жертву человеческих младенцев.

В соответствии с версией Берковица, трагги не имели никаких агрессивных намерений. Они путешествовали в космосе в поисках пригодной для жизни планеты. Возможных причин, заставивших траггов покинуть родину, Берковиц называл с десяток, начиная с экологической катастрофы и заканчивая бегством инакомыслящих из мира, которым правил некий безумный диктатор. Марс показался траггам вполне подходящим для основания новой колонии. А поскольку он был необитаем, они предъявили на него свои права.

Планету, осваивать которую у нас не было ни желания, ни средств, заняли чужаки. Мы же, вместо того чтобы подумать, какую пользу можно из этого извлечь, принялись с ревом

колотить себя кулаками в грудь, подобно своим первобытным предкам. Мол, самим нам Марс задаром не нужен, но с чужаками все равно делиться не станем!

Хотя скорее всего дело было не в уязвленном самолюбии землян, а в каком-нибудь невероятно хитроумном политике, который попытался сдать Марс траггам в аренду на таких кабальных условиях, что его без долгих разговоров просто выставили за дверь. Ну а он, естественно, дабы не ударить в грязь лицом, объяснил подобные действия траггов их злонамеренностью и природной агрессивностью.

Что бы там ни произошло на самом деле, но привело все это к тому, что грузовые космические корабли, которые в свое время предполагалось использовать для колонизации Марса, были выведены в космос с трюмами, загруженными автоматическими посадочными модулями, под завязку набитыми солдатами и боевой техникой.

И вот теперь мы четверо – я, лейтенант Шнырин, рядовой Динелли и рядовой Берковиц – сидим в вонючей яме, именуемой окопом, и любуемся на блестящую металлическую конструкцию, способную время от времени выбрасывать снаряды в сторону позиций траггов. Нам кажется, что мы сидим здесь уже целую вечность, что про нас давно уже все забыли, а автокар, подвозящий к нашему окопу боеприпасы и провиант, работает в автоматическом режиме и будет кататься туда-сюда, от склада к передовой, до тех пор, пока шестеренки на его гусеницах не сотрутся от красноватого марсианского песка, который обладает потрясающей способностью набиваться во все щели.

Мы давно и безнадежно потеряли счет дням. Поэтому, когда лейтенант Шнырин спросил, не знает ли кто, какое сегодня число, никто не смог ему ответить.

На мой взгляд, сегодняшняя дата не имела никакого значения. Точно так же, как и день недели. А Берковиц с присущим ему висельническим юмором заметил, что для человека важны только две даты – те, которые будут выбиты на его могильной плите.

Но лейтенант почему-то решил, что нужно непременно выяснить, какое сегодня число. С этой целью он подошел к дальней стенке окопа и, присев на корточках, принялся перебирать доставленные с почтой газеты.

– Какая разница, что там написано в газетах? – Берковиц присел на ящик со снарядами и, откинув голову назад, так, что каска уперлась в стенку окопа, посмотрел на багровое небо, расчерченное длинными полосами коричневатых облаков. – Сегодня Рождество, потому что я получил поздравление с праздником.

– Католическое или православное? – попытался пошутить Динелли.

– Оба сразу, – совершенно серьезно ответил ему Берковиц, по-прежнему не отрывая взгляда от коричневых марсианских небес. – Оба сразу, друг мой. И если ты скажешь, что такого не бывает, я отвечу тебе, что жизнь – это сон, который неожиданно превратился для всех нас в горячечный бред.

Я сидел у орудийного лафета и, скрестив руки на коленях, угрюмо смотрел в землю. Мне было абсолютно все равно, какой сегодня день и что за праздник на него приходится. Я хотел пива и ни на секунду не мог отвлечься от этого идиотского и совершенно невыполнимого желания.

– Вот! Нашел! – радостно воскликнул лейтенант Шнырин, вскинув над головой руку с зажатым в ней газетным листом.

И в этот момент все мы услышали нарастающий вой снаряда, летевшего в нашу сторону.

На войне одиночный снаряд всегда кажется страшнее массивного артобстрела. Эффект чисто психологический – слушая приближающийся вой, который с каждой секундой становится все громче и пронзительнее, думаешь, что снаряд непременно упадет именно в твой окоп. Понимаешь, что все это глупость, и все равно замираешь на месте в ожидании неминуемого взрыва.

Так и в тот раз мы все замерли на месте: я – возле пушечного лафета, Берковиц – на ящике со снарядами с запрокинутой к небу головой, Динелли – сидя на корточках с недокуренной сигаретой, которую он держал между большим и указательным пальцами, и лейтенант Шнырин – с мятой газетой, зажатой в кулаке.

Все.

Больше я уже ничего не запомнил.

Даже разрыва снаряда, угодившего таки в наш окоп и в одно мгновение превратившегося в столб песка и пламени, взметнувшегося вверх – к красноватым марсианским небесам.

Сколько продолжалось небытие, наступившее вслед за этим, я не имею ни малейшего представления.

Потом я услышал непрерывный высокочастотный писк, издаваемый зуммером полевого радиотелефона.

Какое-то время я продолжал лежать, пытаюсь не обращать внимания на посторонние звуки. Я был мертв, и никто не имел права беспокоить меня. Даже сам господь бог... Или кто там у них на небесах встречает вновь прибывших... Я заслужил свое право на покой...

Но писк был настолько омерзительным, что даже мертвого мог поднять из могилы.

Что уж говорить обо мне. Я привстал на четвереньки и потряс головой, стряхивая с каски песок. Сплюнув несколько раз, я очистил рот от песка. Если не считать того, что голова у меня раскалывалась от зверской боли, в остальном я был в полном порядке.

Радиотелефон пищал где-то совсем рядом.

Постояв какое-то время неподвижно на четвереньках, я понял, что если не заставлю его умолкнуть, то голова моя точно лопнет от наполнявшей ее и делавшейся с каждой минутой все плотнее пульсирующей боли.

Протянув руку на звук, я на ощупь отыскал телефонную трубку.

– Слушаю, – прохрипел я в микрофон.

– Отделение сорок два – дробь – девятьсот четырнадцать! – проорал мне в ухо голос такой же раздражающе-мерзкий, как и телефонный зуммер.

Непроизвольным движением я отнес руку с зажатой в ней телефонной трубкой в сторону.

Пронзительный голос штабного офицера ввинчивался мне в ухо, словно сверло, причиняя почти физическое страдание. И это при том, что в воздухе на все голоса завывали сотни летящих снарядов и еще примерно такое же их число разрывалось с диким грохотом, вспахивая скудную марсианскую почву. Быть может, политая кровью погибших на ней солдат, она когданибудь и станет плодородной?

– Отделение сорок два – дробь – девятьсот четырнадцать?! – снова проорала трубка, на этот раз с вопросительными интонациями.

– Да, – ответил я, осторожно поднеся трубку к уху.

– Кто у телефона?

– Сержант Антипов.

– Сержант! Немедленно передайте трубку командиру отделения!

– Сейчас, – буркнул я в трубку и огляделся по сторонам, ища взглядом лейтенанта Шнырина.

Только сейчас, увидев, во что превратился наш окоп, я вспомнил о разорвавшемся в нем снаряде.

Снаряд траггов разворотил заднюю стенку окопа точно в том месте, где находился лейтенант Шнырин. Взорвался он, уже глубоко зарывшись в песок. К тому же снаряд скорее всего был не осколочный, а кумулятивный – края прорытой им воронки покрылись слоем спекшегося песка, похожего на мутное стекло. То ли этот снаряд случайно оказался в обойме у артиллеристов-траггов, то ли они рассчитывали поразить цель покрупнее нашего окопа, кто его знает. Чудом можно было назвать и то, что не сдетонировали находившиеся неподалеку

от эпицентра взрыва ящики со снарядами. Как бы то ни было, только совокупность всех этих факторов спасла от смерти меня. А так же Берковица с Динелли, которые сидели среди кучи пустых ящиков из-под снарядов полусасыпанные песком и обалдело хлопали глазами.

А вот от лейтенанта Шнырина ничего не осталось. То есть вообще ничего. Даже кровавых пятен на песке не было. Так что если наше командование все еще продолжает отправлять своих погибших солдат на Землю, а не перешло на более дешевый и рациональный способ захоронения здесь же, в марсианских песках, то жена Шнырина, о которой он без конца вспоминал, получит пустой гроб, покрытый двумя флагами: российским и Организации Объединенных Наций.

Зато пушка наша была в полном порядке. Разве что несколько съехала влево. Хотя вполне вероятно, что мне это только казалось по причине двоения в глазах.

Я снова взял в руку телефонную трубку.

– Сожалею, но лейтенант Шнырин подойти к телефону не может.

– Что значит «не может»?! – Трубка, словно живая, едва не выскочила у меня из руки, пытаюсь как можно ближе к оригиналу воспроизвести праведное возмущение вибрирующего в ней голоса.

– Не может, потому что его нет, – спокойно ответил я.

Спокойно, потому что мне было абсолютно наплевать на то, какое впечатление это произведет на разговаривающего со мной штабного офицера. Злиться он мог сколько угодно, а вот сделать со мной не мог ничего. Худшего места, чем то, где я находился в настоящий момент, придумать было просто невозможно. Во всяком случае, моя фантазия была в этом плане бесцельна. Вокруг нашего окопа рвались снаряды траггов, и каждый из них мог оказаться для меня последним. Так же, как и для лейтенанта Шнырина.

– Как это нет?! Почему командира отделения нет на месте?! – продолжала между тем вопить телефонная трубка.

– Потому что он убит прямым попаданием снаряда, – все так же спокойно ответил я.

Телефонная трубка на мгновение замолчала.

– Орудие цело? – спросила она уже более спокойно через несколько секунд.

Вот же подлец! Нет бы сначала поинтересоваться, нет ли у нас других потерь! Так нет же, его в первую очередь интересуется, уцелела ли пушка!

– А что ей будет? – с затаенной злостью ответил я. – Она же железная.

Мой сарказм остался непонятым.

– Сержант Антипов! Принимайте на себя командование отделением!.. – И только сейчас он подумал о том, что, кроме меня, в отделении могло больше никого не остаться. Хотя волновали его опять-таки не судьбы конкретных людей, а вопрос: сумею ли я один справиться с орудием. – Сколько человек осталось у вас в отделении?

– Вместе со мной – трое, – ответил я, глядя на то, как, словно внезапно ожившие древние чудовища, тяжело и медленно выбираются из-под песка Динелли и Берковиц.

– Приказ: немедленно открыть огонь по неприятелю! Записывайте координаты цели, сержант!

– Записываю. – Прижав трубку к уху плечом, я достал из кармана блокнот и авторучку.

– Два-четыре-двадцать-икс-икс-эль!.. Повторите!

– Два-четыре-двадцать-икс-икс-эль, – послушно повторил я.

– Выполняйте!

– У меня есть опасения, что орудийный прицел сбит...

– Выполняйте приказание, сержант!

В трубке раздались частые гудки отбоя.

Я удивленно посмотрел на микрофон трубки. С человеком я разговаривал или с компьютером, запрограммированным на скорейшее уничтожение собственных боеприпасов?

Секунду помедлив, я кинул трубку в песок.

– Цели? – спросил я, обращаясь к Берковицу и Динелли.

– Вроде как, – не очень уверенно ответил мне итальянец.

Берковиц в это время стоял на четвереньках и обеими руками разгребал кучу осыпавшегося в окоп песка.

– Чего он там ищет? – спросил я у Динелли.

Тот молча пожал плечами.

– Берковиц!

– Есть! Нашел!

Берковиц вскочил на ноги, радостно размахивая парой красных носков.

– Ну ты и тип, Берковиц!

Я раздраженно сплюнул в песок. Тут нужно было хором молиться всем нашим богам, прося и на этот раз оставить нас в живых, а он в песке роется, ищет носки, которые, быть может, и не наденет ни разу в жизни.

– А что с лейтенантом? – спросил Динелли, глядя на воронку со спекшимся по краям песком, словно сам не понимал, что произошло с нашим командиром.

Я молча скрестил руки перед грудью.

Берковиц сдвинул каску на лоб и поскреб грязными ногтями стриженный затылок.

– Зато мы теперь можем быть спокойны, – произнес он едва ли не радостно. – В соответствии с теорией вероятности, снаряды дважды в одну воронку не попадают.

– Да иди ты со своей теорией вероятности, – махнул на него рукой Динелли. – Все дело не в математике, а в судьбе – кому что на роду написано.

– Ты серьезно в это веришь? – удивленно посмотрел на Динелли Берковиц.

– Я ни во что не верю! – с раздражением ответил тот. – Я просто хочу остаться живым! – Он перевел на меня взгляд, который показался мне почти безумным. – Что передали из штаба?

– Велели открыть огонь по неприятелю, – безразличным тоном ответил я.

Мне и в самом деле было все равно. Я не верил в то, что если грохот нашей пушки присоединится к нескончаемой артиллерийской канонаде, то это как-то скажется на общем ходе боевых действий. На чем это могло отразиться, так разве что только на моей головной боли.

– Ну, так что? – непонимающим взглядом посмотрел на меня Динелли. – Мы будем стрелять или не будем стрелять?

– Не вижу причин не выстрелить, – без особого энтузиазма отозвался я и сунул в руки Динелли блокнот с координатами цели.

Пока Динелли выводил прицел, мы с Берковицем подтащили к пушке пять ящиков со снарядами. Обойма и без того была полной, мы делали это только ради того, чтобы чем-то занять себя. Иначе можно было просто сойти с ума от нескончаемого грохота взрывов.

После этого я присел на ящик и закурил, глядя на то, как возится с прицелом Динелли.

Берковиц не курил. Он сел на ящик рядом со мной, вытащив из-за пазухи свои красные носки и расстелив на коленке, стал нежно, словно котенка, поглаживать их.

– Готово! – сообщил Динелли, выпрямив спину.

После того как прицел был выведен, а обойма заряжена, командиру взвода только и оставалось, что опустить вниз пусковой рычаг. Что я и сделал не хуже, чем лейтенант Шнырин.

Пушка вздрогнула, как будто почувствовав жизнь в своих металлических сочленениях, и принялась один за другим выплевывать снаряды в заданном направлении.

Вот и все. Больше нам делать было нечего. По крайней мере, до тех пор, пока обойма пушки не опустеет. Или пока снаряд траггов снова не угодит в наш окоп.

Мы сидели в своем окопе, не видя ничего, кроме кусочка багрового неба, затянутого коричневыми облаками. Трагги могли начать решительное наступление и взять штурмом нашу линию обороны, а мы бы все так же продолжали посылать снаряды неизвестно куда.

Если бы я был верующим, то молился. А так только смолил одну сигарету за другой. До войны я так много не курил, так, дымил за компанию с другими. Теперь же курево было единственным спасением от бессмысленного и бесконечного ожидания конца. Конца очередного артобстрела, конца всей этой проклятушей войны или собственного конца.

Пушка не расстреляла еще и половины обоймы, когда произошло то, что, в соответствии с теорией вероятности, в которую безоговорочно верил Берковиц, случиться не могло.

Еще один снаряд траггов упал в наш окоп, угодив на этот раз точно в его середину.

Это был конец.

Конец для нас всех.

Конец, который почему-то не торопился наступить.

Мы все трое замерли в оцепенении, глядя на черную железную болванку, торчащую из песка почти вертикально.

Казалось, время остановилось.

Мы как три идиота сидели и смотрели на снаряд, который должен нас убить, но по непонятной причине не спешил это сделать. И только легкая, едва заметная струйка сизого дымка, поднимающаяся от черного цилиндрического тела, упавшего откуда-то с небес и зарывшегося в песок, с непреложной определенностью свидетельствовала о том, что все происходит в обычном временном режиме.

Динелли сдавленно зашипел, когда истлевшая до фильтра сигарета обожгла ему пальцы. Но даже после этого он не отшвырнул, как обычно, окурок в сторону, а плюнул на него и аккуратно положил на край ящика, на котором сидел.

Берковиц медленно провел языком по сухим губам.

Я снова услышал грохот нашей пушки, все это время продолжающей посылать снаряды в сторону врага.

– Ну, и что нам теперь делать с этим подарком? – едва слышным шепотом произнес Динелли.

При этом взгляд его оставался прикованным к черному цилиндрическому предмету, который постороннему человеку, не знающему, что за угрозу он в себе таит, не внушил бы ни малейшего опасения.

Я молча и очень осторожно, словно боялся, что малейшее сотрясение воздуха может стать причиной взрыва, пожал плечами.

Берковиц же отреагировал на слова Динелли совершенно неожиданным образом. Он порывисто вскочил на ноги и, крутанув головой, словно филин, посмотрел сначала на Динелли, а затем на меня. На лице его сияла невообразимо счастливая улыбка. Я бы, наверное, мог так обрадоваться, только прочитав приказ о своей демобилизации.

– Это подарок! – радостно сообщил нам Берковиц. – Вы что, забыли? Сегодня же Рождество!

– Ты чокнулся, Берковиц? – с тоской посмотрел на идиотски-счастливое лицо солдата Динелли.

– Вы сомневаетесь?..

Берковиц метнулся к неразорвавшемуся снаряду и упал возле него на колени.

Динелли испуганно отпрыгнул к орудийному лафету.

Я тоже невольно подался было назад, но, уперевшись спиной в стенку окопа, замер на месте.

– Остановись, Берковиц, – сдавленно прохрипел я. – Что ты делаешь?

Берковиц как будто даже и не услышал моих слов. Обхватив снаряд обеими руками, он попытался вытащить его из песка. После того как это у него не получилось, Берковиц принялся, как собака, руками рыть песок вокруг железной болванки. Энтузиазму его можно было только позавидовать. Если забыть о том, что от малейшего неловкого движения снаряд мог взорваться.

Я посмотрел на Динелли, надеясь, что он подскажет мне, как я должен поступить в данной ситуации. Ведь как ни крути, я был командиром отделения.

Итальянец сидел на лафете пушки, судорожно вцепившись руками в металлическую опору и машинально втягивая голову в плечи всякий раз, когда орудие выплевывало в небо очередной снаряд. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что толку от него сейчас не больше, чем от того же Берковица. Динелли наблюдал за действиями нашего третьего приятеля с таким видом, словно от их итога зависела не сама его жизнь, а огромная сумма наличных, которую он поставил на кон. Что-то должно было основательно сдвинуться в голове у человека, чтобы вполне естественный страх превратился в азарт игрока: чет-нечет, красное-черное, рванет не рванет.

Снаряды в обойме пушки закончились, и если мы собирались продолжать стрельбу, то ее следовало заново наполнить. Но о выполнении приказа штаба сейчас никто даже и не думал. Берковиц сосредоточенно продолжал рыть песок вокруг снаряда. Динелли следил за ним, застыв в напряженном ожидании, – теперь он даже голову в плечи перестал втягивать. А я тупо глядел на этих двух идиотов и никак не мог решить, что же мне делать: заключить пари с Динелли или помочь Берковицу?

Навалившись на снаряд плечом, Берковиц наконец-то повалил его на песок.

– Готово! – с чувством выполненного долга тяжело выдохнул он.

После этого Берковиц сел на песок и посмотрел на нас с Динелли радостно сияющими глазами.

Динелли осторожно приблизился к черному металлическому цилиндру, с которым возился все это время Берковиц, и осторожно присел в метре от него на корточки. Внимательно осмотрев предмет, он все так же осторожно протянул к нему руку и перекатил цилиндр на другую сторону.

– Болванка, – сообщил он, посмотрев на меня из-под края съехавшей на глаза каски. – Ни заряда, ни взрывателя.

– А я вам что говорил! – торжествующе воскликнул Берковиц.

– А что ты нам говорил? – спросил я у него.

– Это подарок! – Берковиц хлопнул ладонью по боку все еще теплого снаряда-пустышки. – Подарок, посланный нам на Рождество!

– И кто же нам его послал? – мрачно поинтересовался Динелли.

– Трагги! – все тем же радостным голосом возвестил Берковиц.

– Кто?! – в один голос воскликнули мы с Динелли.

– Трагги, – спокойно повторил Берковиц. Он посмотрел на меня, словно надеялся, что я пойму его скорее, чем Динелли. – Трагги так же, как и мы, не хотят воевать. Им не нужна эта ужасная война. Они сражаются только потому, что дальше им уже некуда лететь. Им нужен Марс, а для нас он до сих пор не представлял никаких интересов. Так чего же ради мы убиваем друг друга?

– Это ты только сейчас придумал? – с сарказмом поинтересовался Динелли.

– Да какая разница, – слегка поморщившись, отмахнулся от него Берковиц. – Главное то, что этим холостым выстрелом трагги дают нам понять, что хотят прекратить бессмысленную, никому не нужную бойню. Они прислали нам эту болванку в качестве подарка на Рождество и надеются на то, что мы ответим им тем же!

– Не факт, что сегодня Рождество, – мрачно заметил Динелли. – лейтенант так и не успел сказать, что он там отыскал в газетах. А теперь нет ни его, ни газет.

– Да? А что ты на это скажешь?! – Берковиц с победоносным видом выдернул из-за пазухи пару красных носков.

– Скажу, что это носки, которые ты сегодня получил с почтой, – криво усмехнулся Динелли.

– Верно, – коротко кивнул Берковиц. – И это значит, что сегодня Рождество.

Сказав это, он внезапно вскочил на ноги и кинулся к пушке.

Мы с Динелли не сразу сообразили, что он задумал.

– Ты куда собрался, Берковиц? – удивленно спросил я. Потом у меня мелькнула мысль, что ему приспичило по нужде, и я добавил: – Неужели не можешь дождаться конца обстрела?

– Если обстрел прекратится, то меня прихлопнет кто-нибудь из наших снайперов, – не оборачиваясь, ответил мне Берковиц.

– Что?

Берковиц схватился рукой за металлическую скобу и начал карабкаться вверх по стволу пушки.

– Я к траггам, – сообщил он как бы между прочим. – Должны же мы когда-нибудь посмотреть друг другу в глаза.

Я тут же вскочил на ноги.

– Ты в своем уме?! Рядовой Берковиц, назад!..

Динелли среагировал на слова Берковица куда быстрее меня. Перепрыгнув через лафет пушки, он ухватил Берковица за ногу в тот момент, когда тот уже навалился грудью на бруствер окопа.

Я поспешил на помощь к Динелли, но опоздал.

Свободной ногой Берковиц заехал Динелли по каске, и тот, выпустив его ногу, сел на песок.

Перекатившись через бруствер, Берковиц вскочил на ноги и побежал в направлении позиции траггов.

– Назад, Берковиц! – заорал я что было силы, высунув голову из окопа. – Убьют же, идиот!

– Без толку. – Рядом с моей головой возникла голова рядового Динелли. – Он, должно быть, и в самом деле свихнулся. – Сделав паузу, Динелли посмотрел на меня и, как бы извиняясь за что-то, добавил: – Так же, как и все мы здесь.

Вокруг на десятки голосов, словно бешеные демоны, вырвавшиеся наконец на свободу, выли снаряды. От их нескончаемых разрывов сама земля, казалось, вставала на дыбы. И сквозь этот ад, словно и не замечая того, что происходило вокруг, шел человек.

Рядовой Берковиц шел в направлении позиций траггов, словно знаменем, размахивая над головой своими красными носками. А мы с Динелли смотрели ему вслед до тех пор, пока фигура Берковица не скрылась за пеленой стелющегося над землей черного дыма. И за все это время рядом с ним не упал ни один снаряд.

Окажутся ли наши снаряды так же милосердными к нему, как и снаряды траггов?

Я опустил на край снарядного ящика.

Рядом со мной присел Динелли.

Достав из кармана мятую пачку сигарет, он молча протянул ее мне. Я вытянул сигарету и сунул в рот. Динелли щелкнул зажигалкой. Мы по очереди прикурили от красноватого язычка пламени и, привалившись спинами к стенке окопа, одновременно выпустили из легких дым.

Снова заверещал радиотелефон.

Я подцепил трубку носком ботинка и откинул ее в дальний конец окопа – туда, где нашел свой конец лейтенант Шнырин. Если кто-то в штабе непременно желает передать нам очередной бессмысленный приказ, он сможет сделать это только в том случае, если сам явится сюда.

А мы с Динелли будем сидеть на ящике со снарядами, молча курить и ждать возвращения рядового Берковица. Ведь сегодня как-никак Рождество, а значит, может случиться любое чудо.

МИССИЯ

Для того чтобы справиться с сознанием новорожденного младенца, мне не требуется много усилий. Мне даже не приходится прибегать к насилию. Я просто аккуратно вытесняю его сознание в периферийные участки мозга, которые практически никогда не используются разумным существом в процессе жизнедеятельности. Там оно затихает, должно быть, даже не успев понять, что с ним произошло. Теперь мозг и тело новорожденного землянина полностью и безраздельно принадлежат мне одному.

Мне, Кеддар-К-Дриллу, верному служителю Великого и Всемогущего Агуатта.

Я становлюсь землянином, но не забываю при этом о Миссии, возложенной на меня.

Мы прибыли на Землю для того, чтобы завоевать ее и превратить в провинцию Империи Великого Агуатта. Но мы не станем сражаться с землянами в открытую, хотя и в этом случае наша победа была бы predetermined. Мы используем тактику, уже принесшую нам успех на десятках других обитаемых миров.

Мы действуем методично и планомерно. Мы никогда не торопимся. И в результате всегда добиваемся успеха.

Сегодня мы, посланцы Великого и Всемогущего Агуатта, вселились в пока еще крохотные и немощные тела новорожденных земных младенцев. Нас тридцать в каждой из развитых стран, определяющих мировую политику Земли. Мы станем расти и развиваться, подобно обычным земным детям, но при этом всегда и везде будем помнить о возложенной на нас Миссии.

С годами мы начнем проявлять заложенный в нас потенциал. В умственном развитии мы оставим далеко позади даже самых способных своих сверстников. На нас станут обращать особое внимание. Мы все время будем находиться на виду у общественности. И наступит день, когда именно мы станем определять политику означенных стран. Вся сила и власть на Земле перейдет в наши руки. И тогда на Землю ступит сам Великий и Всемогущий Агуатт для того, чтобы объявить эту планету протекторатом подвластной ему империи!

* * *

Я начинаю осваивать свое новое тело.

Я пытаюсь оглядеться по сторонам, чтобы определить, где я нахожусь, но мне не удается сфокусировать зрение. Я вижу не предметы, а только смутные тени. Мне это совершенно не нравится. Перед отправкой меня не предупреждали о том, что у землян такое отвратительное зрение. Или проблемы со зрением существуют только у детеныша, телом которого мне пришлось воспользоваться?.. В таком случае, наверное, стоит дать знать об этом окружающим меня людям. Медицина на Земле находится в убогом состоянии, но, возможно, местным практикующим лекарям все же удастся что-нибудь сделать, чтобы спасти мое зрение!

Чтобы привлечь к себе внимание, я пытаюсь взмахнуть рукой, но у меня ничего не получается. Мои конечности прижаты к телу, и, когда я пытаюсь двигать ими, они лишь судорожно подергиваются.

Великий Агуатт! Неужели мне досталось дефектное тело!

Я пытаюсь стиснуть зубы, но из этого тоже ничего не выходит. У меня во рту нет зубов!

Сей факт окончательно укрепляет меня во мнении, что землянин, чье тело я занял, родился физически неполноценным. Видимо, наши специалисты, выбиравшие реципиентов, все же допустили просчет. Нужно будет непременно отметить подобную халатность в первом же докладе, который я отправлю на родину. Но произойдет это не скоро. А до тех пор мне, похоже, придется помяться с доставшимся мне уродливым тельцем.

Не имея возможности сжать зубы или кулаки, я мысленно сжимаю в кулак всю свою волю. Как бы там ни было, я готов к выполнению возложенной на меня Миссии!

Но все же нужно как-то привлечь к себе внимание.

Похоже, есть только один способ сделать это.

Я открываю рот и что есть мочи ору.

* * *

Как выясняется, слух также является моим слабым местом. Я слышу только резкие, громкие звуки. Но зато обоняние у меня отменное. Я уже научился различать по запаху подходящих ко мне людей. Всего их пять. Но чаще других ко мне подходит человек, который засовывает мне в рот упругий цилиндрический предмет, из которого поступает питательная жидкость. Вкус у нее омерзительно приторный. Но, поскольку ничего иного мне не предлагают, я, давясь, глотаю. Жидкость хотя и противная на вкус, но довольно питательная. Плохо только то, что для того, чтобы высосать ее из цилиндрического предмета, приходится прикладывать немало усилий. К концу процесса кормления я обычно так устаю, что тут же засыпаю.

Но, проснувшись, я первым делом вспоминаю о Миссии, с которой я, Кеддар-К-Дрилл, прибыл на Землю!

* * *

Видимо, благодаря проявленной мною воле, мои зрение и слух начинают понемногу улучшаться. Я уже могу улавливать ухом отдельные звуки, хотя пока еще и не понимаю их смысл, а контуры окружающих меня предметов сделались более четкими. Теперь я могу рассмотреть того человека, который кормит меня. Вообще-то внешность землян довольно-таки неказистая, но к этому индивиду я почему-то испытываю неосознанное расположение. Мне нравится, когда он что-то невнятно бормочет, наклонившись надо мной. А еще больше мне нравится, когда он берет меня на руки. Причина этого скорее всего заключается в том, что термобаланс моего маленького тельца весьма неустойчив и меня привлекает тепло, излучаемое телом большого человека.

Понемногу я начинаю тренировать свои конечности. И со временем добиваюсь в этом немалых успехов. Но до того, чтобы подняться на ноги или взять что-нибудь в руку, еще ох как далеко. Давно бы все это бросил, если бы не мысли о Миссии. Собственно, валяясь целый день на спине или греясь на руках кормящего меня человека, мне больше и делать нечего, как только думать о ней.

* * *

Что меня больше всего раздражает, так это предмет непонятного назначения, который то и дело показывает мне человек. Зрение мое уже разработалось настолько, что я могу достаточно четко рассмотреть его. Он представляет собой тонкую палочку, выполненную, насколько я могу судить, из белого синтетического материала. На одном из концов палочка раздваивается, превращаясь в широкую вилку, в центре которой закреплен шар из того же материала, разделенный на две половины – желтую и красную. Когда человек поднимает этот предмет и встряхивает его, шар начинает вращаться, издавая при этом странные шуршащие звуки. Должно быть, внутри шар полый и наполнен какими-то мелкими, пересыпающимися при вращении предметами. Но чего пытается добиться человек, демонстрируя мне этот двухцветный шелестящий шар, я взять в толк не могу.

Но раздражает меня не навязчивость человека, а то, что странный предмет в его руках отвлекает меня от мыслей о Миссии.

* * *

Неустанное упражнение приводит к тому, что я уже могу совершать более или менее скоординированные движения своими конечностями. В особенности преуспели в этом руки. Теперь я могу уцепиться ими за края своего ложа и привести верхнюю часть тела в вертикальное положение. Но спинные мышцы у меня пока еще слабые, поэтому я могу сидеть, только продолжая держаться за что-нибудь руками. Стоит мне ослабить хватку, как мое тело тотчас же опрокидывается на спину.

Ужасно ощущать свое беспомощное состояние! Ведь если человек, который постоянно кормит меня, однажды забудет сделать это, я попросту умру от голода!

И это еще не все...

Мне стыдно в этом признаться, но по причине своей беспомощности я вынужден справлять нужду под себя. А после этого мне приходится лежать в собственных испражнениях и ждать, пока кто-нибудь придет и уберет их.

Иногда у меня не хватает терпения, и я начинаю кричать.

Великий Агуатт, это просто ужасно! Мне приходится прикладывать все усилия для того, чтобы постоянно помнить о своей Миссии.

* * *

Человек, который кормит меня, все чаще показывает мне вилку с закрепленным на ее конце двухцветным шариком. При этом он почему-то все время скалит зубы. Причину этого я понять не могу. Ведь этот человек является одним из моих родителей, поэтому странно было бы предположить, что он собирается меня съесть. Но на всякий случай я тоже пытаюсь скалиться в ответ. Зубов у меня нет, но тем не менее это мое ответное действие, похоже, оказывает некое воздействие на человека. Он удовлетворенно кивает головой и снова трясет перед моим лицом вилкой с шариком, внутри которого что-то перекачивается.

Я пока еще не достаточно хорошо изучил язык, но значение некоторых слов уже понимаю. Так, например, слово «мама» означает человека, который кормит меня. А предмет, которым этот самый мама постоянно трясет перед моим носом, называется «погремушка».

Великий Агуатт, понять бы еще, что он пытается от меня добиться своими действиями!

У меня возникает предположение, что погремушка является некой тестерной системой, с помощью которой мама пытается выяснить уровень моего интеллекта. Неужели у него возникли какие-то сомнения на мой счет? Быть может, я веду себя не совсем так, как обычные земные дети?.. К сожалению, пока я еще не придумал, как проверить это предположение. Но похоже на то, что погремушка может стать главным препятствием на пути выполнения моей Миссии.

* * *

Начали нестерпимо ныть десны. Я подозреваю, что это какое-то заболевание, и поэтому постоянно кричу, пытаюсь привлечь к себе дополнительное внимание мамы и других людей, лица которых время от времени появляются передо мной.

Людям потребовался не один день для того, чтобы понять наконец-то, что происходит. Я безмерно благодарен маме за то, что он первым догадывается заглянуть мне в рот. Но, похоже,

он не обнаруживает там ничего необычного. Он только скалит зубы и похлопывает меня по ягодицам.

Не знаю почему, но я все больше склоняюсь к мнению, что мама является человеком, которому можно доверять. Со временем я, быть может, даже посвящу его в тайну своей Миссии. Союзники среди землян нам не помешают.

* * *

Но в связи с моим прогрессом у мамы, должно быть, возникли новые подозрения. Теперь он не просто водит тестором перед моим лицом, но настойчиво требует, чтобы я взял погремушку в руку.

Я пытаюсь сделать это, чтобы положить конец всем сомнениям, как своим, так и маминим, но у меня ничего не выходит. Ручка погремушки сделана удивительно неудобно, и мне не удается уверенно обхватить ее своими короткими пальцами. Я предпринимаю новую попытку.

Великий Агуатт, помоги мне! Я должен справиться с этой проклятой погремушкой! Вызываю к тебе, Великий Агу...

* * *

– Агу... Агу... Агу... Агу...

* * *

Я научился произносить отдельные звуки! Это первый шаг к осмысленной речи!

Но почему-то именно после этого мама перестает показывать мне погремушку. Ее место в руках мамы занимают уродливые чучела монстрообразных существ, раскрашенные в самые невероятные цвета. Быть может, таким образом мама старается познакомить меня с земной фауной?.. Поверить невозможно, что столь ужасные существа могли быть созданы природой!.. Или это какой-то новый тест?..

Но где же погремушка? Почему мне больше ее не показывают? Я ведь так и не успел понять, что она собой представляет и что находится у нее внутри. А без этого выполнение моей Миссии становится невозможным.

* * *

Я подсмотрел за мамой и заметил, что он положил погремушку на одну из горизонтальных плоскостей, установленных на тонких ножках. Подобных ей плоскостей вокруг меня несколько, но, в отличие от других, та, на которой лежит погремушка, расположена довольно-таки низко. Я бы, наверное, смог дотянуться до нее, если бы мне удалось подняться на ноги.

Я берусь руками за края своего ложа, сажусь и оглядываюсь по сторонам. Никого из землян поблизости от меня нет. Я ложусь грудью на край ложа и, перевесившись через него, падаю на пол.

Я падаю на спину. Высота небольшая, и падение не причиняет мне никакого вреда. Я тут же переворачиваюсь на живот и быстро ползу в направлении горизонтальной плоскости, на которой лежит необходимая мне погремушка.

Расстояние до нее я преодолеваю довольно-таки быстро. Но теперь мне предстоит самое сложное.

Я берусь обеими руками за ножку, на которую опирается горизонтальная плоскость, и медленно поднимаюсь на колени. Затем я поднимаю вверх голову. Горизонтальная плоскость находится прямо над моей головой. Осторожно отпустив одну руку, я протягиваю ее вверх и цепляюсь пальцами за край плоскости. Опора кажется мне слишком ненадежной, поэтому я быстро перемещаю на край плоскости и вторую руку.

Я даю себе немного передохнуть, после чего, подтянувшись на руках, поднимаюсь на ноги. У меня кружится голова, а в коленках я ощущаю предательскую слабость. Для того чтобы не упасть, я упираюсь в край горизонтальной плоскости подбородком.

Головокружение быстро проходит.

Так. Теперь я могу освободить одну руку и протянуть ее за погремушкой.

Мне не хватает совсем немного для того, чтобы подцепить ее ручку кончиками пальцев. Чтобы достичь цели, мне нужно сделать всего один крошечный шаг.

Но я ведь не умею ходить!

Я приказываю себе не паниковать. Снова ухватившись обеими руками за край горизонтальной плоскости, я делаю глубокий вдох и отрываю ногу от земли. Меня заносит в сторону, и я снова опускаю ее на место. Но теперь я знаю, что могу это сделать!

После короткого отдыха я повторяю попытку. На этот раз, чуть приподняв ногу, я быстро выдвигаю ее вперед и переношу на нее весь вес своего тела. Сохранить равновесие в таком положении невероятно трудно. Поэтому я быстро выбрасываю руку вперед и хватаюсь за погремушку. Равновесие потеряно окончательно, и я падаю на ягодицы.

Погремушка, издав свойственный ей странный шуршащий звук, падает рядом. Я быстро хватаю ее за ручку и подношу к лицу.

Что теперь?

Мне необходимо узнать, что находится в полном желто-красном шарике, но как это сделать?

Я засовываю погремушку в рот и пытаюсь разгрызть ее.

Если бы у меня только были зубы! А так, голыми деснами, сделать это мне не удастся. Но зато трение погремушки по воспаленным ноющим деснам приносит облегчение.

Поводив какое-то время погремушкой по деснам, я вынимаю ее изо рта и пристально смотрю на желто-красный шар. Чтобы убедиться, что погремушка не утратила своих свойств, я слегка встряхиваю ее. То, что находится внутри шара, отвечает мне негромким шуршанием.

Итак...

Приняв решение, я размахиваюсь и изо всех сил ударяю погремушкой об пол.

Никакого результата.

Я снова поднимаю погремушку и бью ею об пол.

Затем я повторяю это снова.

Снова и снова.

Я полностью отдаюсь этому занятию, в котором сейчас для меня заключен весь смысл моего существования.

Откуда-то из глубин сознания до меня доносится слабый, едва различимый голос, который не очень уверенно пытается напомнить мне о Миссии.

Конечно, я помню о своей Миссии!

Я ДОЛЖЕН ВО ЧТО БЫ ТО НИ СТАЛО РАСКОЛОТЬ ЭТУ ПОГРЕМУШКУ!

А после этого я, возможно, займусь чем-нибудь другим. Например, разноцветными монстрами, которых так любит показывать мне мама.

СЕЮЩИЕ ВЕТЕР

Солнце, похожее на большой переспелый апельсин, не прошло и трети своего пути по небосклону, а воздух был уже горячим и влажным. Все тело Закладина, облаченное в строгий темно-синий костюм с академическим значком на лацкане, едва он ступил на трап, мгновенно покрылось испариной. К тому же и сила тяжести на Штраке несколько превышала привычную ему земную. Закладин, потянув вниз, ослабил узел галстука.

К трапу подкатил легкий открытый джип.

– Вы Семен Закладин, эколог? – спросил, приподнявшись со своего сиденья, водитель.

На нем была просторная полуспортивная одежда зеленовато-бурого цвета и выгоревшая широкополая шляпа.

– Да, – кивнул Закладин.

Посмотрев по сторонам, он лишний раз удостоверился, что, кроме него, из корабля больше никто не вышел.

– А я – Мат Хансен, врач из поселка Пиллой, – представился водитель. – Как долетели? Легко взбежав по трапу, он взял из рук Закладина одну из его сумок.

– Наверное, неплохо, – ответил, спускаясь вслед за ним, Закладин. – Мне не с чем сравнивать, я первый раз летел грузовым кораблем.

– А к нам другие и не летают, – рассмеялся Хансен. – Да и этот бывает только два раза в стандартный год. Так что вы застряли тут минимум на полгода.

– Жарко здесь у вас, – пожаловался Закладин, снимая пиджак и галстук. Аккуратно уложив их на заднее сиденье джипа, он расстегнул воротник рубашки и закатал рукава.

– Это только в космопорте, – сказал, садясь за руль, Хансен. – Бетонное покрытие раскаляется на солнце, как сковорода. К тому же влажность тут высокая.

У грузового люка быстро и ловко орудовали автопогрузчики, выбрасывая что-то из чрева корабля и загружая в крытые брезентом грузовики.

Обогнув их, Хансен развернул джип в сторону зеленой полоски за краем бетонного поля.

– А вы сами давно на Штраке? – спросил Закладин.

– Я коренной штракианин. Мои предки поселились здесь без малого сто лет назад. Слышали про экологическую катастрофу на Дагоне-2, когда кто-то занес туда фиолетовую слизь, истребившую всю растительность? Эвакуированных колонистов с Дагоны переселили на Штрак.

Съехав с бетонного покрытия, машина миновала небольшую рощицу невысоких, развесистых деревьев, одаривших на короткое время благословенной тенью, и выехала на накатанную грунтовую дорогу. По обе стороны тянулись необъятные зеленые поля, плотно засаженные какими-то высокими, прямыми палкообразными растениями.

– Штрак был открыт давно, – продолжал Хансен. – Но долгое время он оставался необитаемым по причине удаленности от всех основных центров Галактической Лиги. Вспомнили о нем только после того, как произошла трагедия на Дагоне-2 и нужно было в спешном порядке переселять куда-то людей. На планете – три континента, но два из них практически непригодны для жизни: Ледяной лежит на полюсе под коркой льда, а Трясущийся, находящийся в стадии формирования, подвержен частым и мощным тектоническим движениям. Специалисты говорят, что в конце концов он развалится на целую кучу островов. Наш материк самый маленький, зато это настоящий рай.

– Он настолько хорош, что вас устраивает жизнь на периферии, куда даже грузовой корабль залетает раз в полгода?

– Это наша родина, – спокойно и естественно, без какого-либо пафоса ответил Хансен. – На Штраке мы имеем все необходимое для жизни, а чего не хватает – покупаем.

– Но доставка грузов в такую даль стоит, должно быть, немалых денег?
– Мы экспортируем штраковое масло. Растение, из которого его получают, называется метелкой. Согласитесь, «Метелочное масло» – не слишком благозвучное название. Поэтому решили: пусть лучше будет «Штраковое», поскольку растут метелки только на Штраке.

– А пробовали?

– Что?

– Выращивать метелки на других планетах?

– Нет. Предложения были, но мы отказались продать культуру.

– И тем самым сохранили монополию и стабильно высокие цены на штраковое масло.

– А почему бы нет? Сегодня без штракового масла не производится ни одно парфюмерное изделие.

– Иначе его просто не станут покупать.

– Конечно. Штраковое масло обладает фантастической способностью длительное время удерживать запахи.

– Но цены?

– А что «цены»? Желаете хорошо пахнуть – платите деньги. Мы ведь тоже должны на что-то жить. Штраковое масло – роскошь, а не лекарство от неизлечимой болезни. Продавая его, мы никого не грабим и не обрекаем на смерть.

Возделанные поля вдоль дороги сменились невысокими изгородями, за которыми паслись стада сельскохозяйственных животных обычных земных пород. На горизонте появились небольшие дома.

– Подъезжаем, – сообщил Хансен.

– Так что у вас за проблемы с пластунами? – перевел разговор на интересующую его тему Закладин. – В Экологическом центре мне ничего толком не объяснили, только сказали, что все материалы будут предоставлены на месте.

– Если коротко, то безобидные прежде животные стали представлять опасность для людей. Началось это лет тридцать назад, и с тех пор агрессивность пластунов идет по нарастающей.

Они въехали на улицу довольно большого поселка. Дома в нем были главным образом двух- и трехэтажные, похожие друг на друга, как и стандартные строительные панели, из которых они были собраны. Аккуратные неогороженные палисадники возле фасадов удивляли и восхищали многообразием ярких цветов и необычностью причудливых форм декоративной растительности.

– Гостиницы у нас нет, – сказал Хансен. – Если вы не против, можете остановиться у меня, я живу один.

Хансен занимал половину двухэтажного дома. Весь второй этаж он предоставил в распоряжение Закладина.

Закладин едва успел принять душ и переодеться в одежду, более соответствующую местному климату, когда Хансен позвал его к столу.

– После обеда вас ждет губернатор, – сообщил он.

Губернатор, сурового вида мужчина лет шестидесяти, худой, высокий, с зачесанными назад седыми вьющимися волосами, встретил их в своем доме в небольшом холле на первом этаже.

– Это Семен Закладин, – представил Закладина Хансен. – Прибыл сегодня из Экологического центра.

Большие серые глаза губернатора мрачно выглядывали из-под густых нависающих бровей. Губернатор внимательно осмотрел Закладина, и, похоже, доверия он у него не вызвал.

– Вейч Дилон, – глухим, негромким голосом представился губернатор и вперил взгляд Закладину в переносицу. – Вы уверены, что справитесь с задачей?

– Я еще не знаю, в чем она заключается, – натянуто улыбнулся Закладин.

Дилон недовольно шевельнул бровями.

– Мы подали заявку в Экоцентр по полной развернутой форме.

– Мне сообщили только то, что возникли какие-то проблемы с пластунами.

Жестом руки губернатор пригласил всех к столу, на котором стояли высокие шестигранные стаканы и кувшины с прохладительными напитками.

– Вы должны помочь нам уничтожить пластунов, – пристально глядя Закладину в глаза, произнес Дилон. – Они стали угрозой для дальнейшего существования всей колонии на Штраке.

Взгляд стальных глаз был настолько пронзительным и неподвижным, что у Закладина мелькнула глупая мысль: не пытается ли губернатор гипнотизировать его?

– Так категорично? – растерянно спросил он.

– Да, – едва заметно наклонил голову Дилон.

– Они нападают на людей?

– Случается. Но главный вред – они уничтожают метелочные плантации. Получаемое из метелок масло составляет основу нашей экономики, поэтому вопрос стоит именно так: либо мы, либо пластуны – вместе нам на Штраке не выжить.

– В информатории Экоцентра я нашел всего лишь одну монографию о пластунах почти столетней давности. Я хотел бы встретиться с вашими специалистами, ознакомиться с их материалами...

– Да нет у нас никаких специалистов по пластунам, – резко оборвал Закладина Дилон. – У нас есть специалисты по метелкам, а пластунами никто никогда серьезно не занимался: пока они не представляли собой угрозы, они были нам неинтересны. Поэтому мы и обратились за помощью в Экоцентр.

– Но братья одному за столь объемную задачу, как изучение экосистемы целого континента...

– А мы и просили прислать не одного, а группу специалистов. И готовы были оплатить их работу. Да только ваши титулованные академики, похоже, просто поленились оторвать свои натруженные зады от кожаных подушек кресел.

– Если учитывать месторасположение вашей планеты, то действительно отыщется немного желающих лететь сюда, – усмехнулся Закладин.

– Ну, раз уж вы все равно сюда прибыли, принимайтесь за дело. Тем более что покинуть Штрак вы сможете не раньше чем через полгода, когда прилетит рейсовый звездолет. Доктор Хансен, насколько я знаю, по собственной инициативе занимался изучением пластунов. Он и введет вас в курс дела.

– С вашим губернатором не очень-то поспоришь, – сказал Закладин, когда они с Хансеном вышли на улицу.

– Да, – согласился Хансен. – Особенно когда дело касается пластунов. Они для него почти что личные враги.

Они обогнули дом губернатора. Задние дворы в поселке отсутствовали, почти от самых стен начиналось метелочное поле.

Знаменитые масляничные растения были чуть ниже человеческого роста. Они напоминали молодые побеги бамбука, заканчивающиеся широкими круглыми соцветиями, похожими на пучки тонких проволочек с небольшими конусообразными расширениями на концах. Примерно в тридцати сантиметрах от земли в каждый ствол был вставлен наклонный металличе-

ский желобок, по которому в сосуд, подвешенный на другом его конце, стекали густые, тяжелые капли сока, служившего сырьем для получения штракового масла.

Хансен с Закладиным шли по узкой тропинке, проложенной между ровными рядами метелок.

– Проблемы с пластунами возникли уже у первых поселенцев, – рассказывал Хансен. – В обычном своем состоянии это довольно медлительные животные, неторопливо переползающие с места на место. Они способны употреблять в пищу практически любую органику, но при наличии выбора довольно-таки разборчивы и не едят что попало. Естественно, им пришлось по вкусу возделываемые поселенцами поля. Вначале для того, чтобы обезопасить поле, достаточно было обнести его изгородью. Но с началом культурного разведения метелок, когда под плантации стали отводиться все большие площади, пластуны научились взламывать изгороди, наваливаясь на них всей своей немалой массой. Пройдя по плантации форсированным маршем, они буквально сровнивали ее с землей. Испробованные средства борьбы не принесли никаких осязаемых результатов.

– Что конкретно использовалось?

– Я дам вам прочитать подробные отчеты того времени. В конце концов была принята программа, предусматривающая вытеснение пластунов с возделываемых территорий. Почти весь континент представляет собой поросшее лесами равнинное плоскогорье, и только вдоль восточного побережья тянется невысокая горная гряда. Начиная с западной оконечности материка, пластунов стали методично теснить на восток, перегораживая континент сплошной изгородью с юга на север. До какого-то времени все шло очень даже неплохо. Но, по мере нашего продвижения в глубь материка, пластуны становились все более агрессивными, появились первые случаи нападения на людей. Сейчас континент поделен примерно поровну между пластунами и людьми. Продвижение на восток почти остановилось. Вместо этого нам приходится главным образом сдерживать атаки пластунов, пытающихся прорваться на запад. Поселение Пиллой – самая восточная точка контролируемой нами территории. Здесь мы подготавливаем плацдарм для дальнейшего продвижения. – Хансен посмотрел на собеседника и совсем невольно усмехнулся. – Похоже на сводку с театра военных действий, правда?

– Да, только надо учесть, что одна армия практически безоружна.

Хансен молча развел руками.

– Вам не хватает территорий? – спросил Закладин.

– Спрос на масло постоянно растет.

Метелочное поле кончилось. Метров на триста вперед тянулось пустое пространство невозделанной земли, заканчивающееся высокой изгородью из частой металлической сетки. Через равные промежутки вдоль ограды возносились вверх четырехопорные сторожевые вышки с открытыми смотровыми площадками. Внизу под ними без всякого порядка были поставлены различающиеся по форме и размерам в большинстве своем небольшие строения, явно временного характера. По другую сторону ограждения сплошной стеной поднимался лес. От изгороди его отделяла широкая, недавно расчищенная просека.

– Это и есть граница?

– Да.

Хансен направился к ближайшей вышке.

Приветственно махнув рукой человеку на смотровой площадке, он приоткрыл дверь небольшого, похожего на квадратную коробку домика.

– Появись на свет, Терри, к тебе гости, – позвал он кого-то, кто находился внутри.

Наклонив голову, чтобы не сбить косяк, из дверного проема показался высокий рыжеволосый человек, одетый в розовые шорты и рубашку армейского образца с короткими рукавами. На поясе у него висела кобура небольшого ручного трассера «стинг-8».

– Семен Закладин из Экологического центра прибыл к нам помочь разобраться с пластунами, – представил Закладина Хансен.

– Терри Уилсон, командир корпуса охраны, – представился рыжеволосый великан.

– Похоже, вы здесь ведете настоящие боевые действия, – пошутил Закладин, пожимая протянутую руку.

– Вам станет не до шуток, когда вы увидите атаку пластунов, – серьезно ответил Уилсон.

– А такая возможность представится?

– Не позднее чем через неделю.

– Активность пластунов подчиняется очень четкому ритму, правда, непонятно с чем связанному, – сказал Хансен. – В год бывает несколько пиков. Во время самых мощных всплесков активности кажется, что пластуны со всего континента собираются у изгороди.

– И один из таких пиков наступит очень скоро, – добавил Уилсон.

– Но где же ваша армия? – Закладин удивленно посмотрел по сторонам. На всем окружающем их огромном пустом пространстве на глаза ему попало не более десяти человек, да и те вовсе не были похожи на военных. Впрочем, как и сам командир Уилсон.

– Моя армия – это все жители поселка, – ответил Уилсон. – Большими силами пластуны нападают по ночам, поэтому сейчас здесь только дежурные, наблюдающие за обстановкой.

– А до тех пор увидеть живого пластуна можно?

– Конечно. В лесу их сколько угодно.

– Это может быть опасным, – забеспокоился Хансен. – Пластуны уже начали активизироваться.

– Я провожу вас, – сказал Уилсон и расстегнул кобуру.

Пройдя через небольшую калитку в изгороди, сваренную из широких железных полос, они пересекли просеку и вошли в лес.

Высокие, стройные деревья тянулись вверх тонкими, почти голыми стволами, стараясь обогнать друг друга в бесконечном соперничестве за солнечные лучи. Тем не менее их раскидистые кроны пропускали достаточно света и влаги для того, чтобы внизу разрастался густой подлесок.

– Будьте осторожны, – предупредил Закладина Хансен.

Закладин хотел было спросить, чего именно следует опасаться, но в этот момент Уилсон толкнул его в спину так, что Семен упал на живот. Растянувшись на земле рядом с ним, Уилсон выхватил трассер и выстрелил в летящий над ними большой черный ком. Перерезанное плазменной струей черное тело развалилось надвое. Упав на землю, обе его половины судорожно задергались и, перемещаясь резкими частыми толчками, быстро скрылись в кустах.

– Ну вот и первое знакомство. – Хансен помог Закладину подняться.

– Псих какой-то, – сказал Уилсон, вставая на ноги и убирая трассер. – Найдем какого-нибудь другого, поспокойнее.

– Вы убили его? – спросил Закладин.

– Нет, – усмехнулся Уилсон. – Убить пластуна не так-то просто.

– У пластунов феноменальные способности к регенерации, – объяснил Хансен. – Вдоль всего тела пластуна проходит нервный тяж, на котором располагаются от пяти до семи крупных нервных центров. Тело пластуна можно разрезать на несколько частей, и каждый кусок, в котором останется хотя бы один нервный центр, со временем, при благоприятных условиях, восстановится в полноценную особь.

– То есть, пытаясь их уничтожить, мы только увеличиваем их число, – прокомментировал сказанное Уилсон.

Они продрались сквозь невысокий, но очень густой кустарник, тонкие гибкие ветви которого переплетались между собой, подобно клубкам спутанной проволоки, и вышли на освещенную солнцем прогалину.

– Вот он, красавец. И вполне миролюбиво настроен.

Слева от них, на краю поляны, растекся по траве среднего размера пластун. Он был похож на огромную маслянисто-черную каплю расплавленного битума. Не представлялось никакой возможности определить, где у пластуна перед, а где зад, но, присмотревшись, можно было заметить, что по всему его телу плывут широкие волны, медленно передвигая пластуна в одном определенном направлении.

Уилсон наклонился и похлопал его ладонью. Тот никак на это не отреагировал, продолжая свое едва заметное движение.

– Вот вам пластун в своем обычном состоянии.

– За ним не остается никакого следа, – сказал Закладин. – Такая же трава, как и везде.

– Он просто сыт и выбирает только то, что ему нравится, – ответил Хансен. – За голодным пластуном остается полоса голой земли, но, удобренная его выделениями, она настолько плодородна, что очень скоро покрывается новой растительностью.

– Есть какие-нибудь работы по биохимии пищеварения пластунов?

– Мне не попадались.

Закладин, присев на корточки, внимательно рассматривал пластуна.

– У него не заметно никаких внешних органов чувств.

– И тем не менее они существуют. Смотрите.

Хансен поставил на пути пластуна ногу. Тело пластуна, раздвоившись, начало обтекать ботинок с двух сторон, не касаясь его. Достигнув середины стопы, оно неуловимым движением сместилось влево и обошло препятствие стороной.

– Они также реагируют на свет и звук. Одно время даже удавалось отпугивать пластунов, используя ультразвуковые генераторы, но и к ним они очень скоро привыкли.

Закладин с интересом рассматривал черное упругое тело. Про себя же он последними словами проклинал чиновников из Экоцентра, поставивших его в столь глупое положение. От него ждали незамедлительных действий, а ему в одиночку нужно было браться за работу, для выполнения которой требовались годы и десятки специалистов в самых различных областях науки о живом.

Закладин исподлобья бросил взгляд на молчаливо смотревших в его сторону штракиан. Уилсон сочувственно, без какой-либо иронии улыбнулся.

– Даже не знаешь, как за него взяться, – высказал он вслух невеселые мысли Закладина.

– Естественные враги у него есть? – без особой надежды спросил Закладин.

– Кроме человека – никого. Пластуны – самые крупные животные на Штраке.

– Как происходит размножение?

– Пластуны гермафродиты. После встречи двух особей каждая из них откладывает одно-два яйца. Они разбрасывают яйца где попало. С пластунами пробовали бороться, собирая и уничтожая их яйца, но ощутимых результатов это не принесло. Зато именно тогда появились первые случаи нападения пластунов на людей.

Закладин тяжело вздохнул, почесал голову и снова тупо уставился на отползшего чуть в сторону пластуна.

– Я понимаю, о чем вы думаете, – нарушил затянувшееся молчание Хансен. – Никто не вправе будет упрекнуть вас, если вам не удастся справиться с пластунами в одиночку. Но раз уж вы все равно здесь, попробуйте сделать хотя бы то, что в ваших силах.

– А что мне еще остается? – пожал плечами Закладин.

Утром следующего дня, спустившись из своей комнаты на втором этаже, Закладин обнаружил, что Хансена дома нет. В столовой под салфеткой для него был оставлен завтрак. Рядом лежало с десяток компьютерных дискет. Позавтракав, Закладин поднялся к себе и, устроившись в кресле, принялся просматривать подобранные Хансеном документы.

Как он и предполагал, борьба с пластунами велась методом тыка. Пробовали все, что приходило в голову: яды, ловушки, всевозможные виды оружия. Один из не очень давних проектов, который, к счастью, не был осуществлен, предполагал даже распыление дефолианта над территорией обитания пластунов, чтобы таким образом уморить их голодом. Но никому и в голову не пришло заняться серьезным изучением пластунов и их места в экосистеме материка. Проблему хотели решить нахрапом – одним, в крайнем случае, двумя мощными ударами.

Покончив с отчетами, Закладин вышел на улицу. Неторопливо прогуливающаяся пожилая пара вежливо раскланялась с ним. Закладин ответил на приветствие и направился в сторону границы.

У изгороди шла какая-то напряженная работа. Руководил людьми, переходя от одной группы к другой, Терри Уилсон. Заметив Закладина, он подошел к нему и поздоровался.

– Ночью приползали пластуны, – сказал он. – Но пока обошлось без стрельбы. Чтобы отпугнуть их, хватило тока, пропущенного через сетку. Пару штук мы для вас оставили.

Они прошли под опорами вышки и обогнули невысокое строение без окон, похожее на большой сарай, собранный на скорую руку из чугунных балок и листов жести.

– Энергетическая подстанция, – указал на строение Уилсон. – От нее подается напряжение на сетку и к прожекторам на вышках.

У стены, спрятавшись в тень, сидел на перевернутом вверх дном ящике мальчишка лет четырнадцати и со скучающим видом чертил что-то прутиком на песке. Невдалеке от него корчились два пластуна, пригвожденные к земле толстыми металлическими прутьями.

– Что вы с ними сделали? – в ужасе воскликнул Закладин.

– А иначе их никак не удержишь на месте, – совершенно спокойно ответил Уилсон. – Они и с этих колов сползают, обтекая их. Юрик, – окликнул он мальчишку, – сколько раз тебе пришлось заново втыкать в них колья?

– Три, – ответил мальчишка.

Закладин склонился над пластуном. Ран на его теле заметно не было, но из места, куда был воткнут прут, вытекала вязкая бурая слизь.

– Только, если захотите почесать ему брюшко, наденьте сначала это. – Уилсон протянул Закладину плотные пластиковые перчатки. – Иначе вся кожа на руках слезет.

Пластунов перенесли в оборудованный с помощью доктора Хансена ангар.

Для начала Закладин, решив идти по наиболее простому пути, осмотрел их тела на предмет обнаружения паразитов, но ничего не нашел. На протяжении двух последующих дней он тщетно пытался анатомировать пластунов. Но эти его попытки скорее походили на сеансы вивисекции. Распятый на столе пластун корчился, дергался, извивался, то и дело освобождаясь от удерживающих его зажимов. Невозможно было провести ни одного ровного разреза. В конце концов Закладин бросил это бесполезное занятие. Ему так и не удалось разобраться в перепутанном сплетении пучков мышечных волокон и обрывках тонких, лопающихся сосудов, плавающих в вязкой, студнеобразной массе с резким специфическим запахом. Безуспешно закончилась и попытка высеять какие-либо микроорганизмы из внутренностей пластуна.

Состояние, овладевшее Закладиным, нельзя было назвать отчаянием – он с самого начала не слишком надеялся на успех. Ему просто надоело заниматься не своим делом, к тому же не сулящим никаких реальных результатов. Это уже была не работа, а лишь имитация какой-то деятельности.

Проснувшись как-то среди ночи, Закладин увидел за окном далекое зарево, взрывающееся время от времени яркими всполохами голубоватого света. На утро он спросил об этом Хансена.

– Атаки пластунов усиливаются, – ответил доктор. – Сегодня ночью против них пришлось применить оружие.

Еще через одну ночь Закладин вскочил с кровати, разбуженный пронзительным воем сирены. Скотившись, полусонный, вниз по лестнице, он застал Хансена торопливо натягивающим комбинезон, покрытый тонким слоем черного огнеупорного пластика и застегивающийся наглухо под самое горло.

– Что случилось?

– Мощная атака пластунов. Все жители поселения должны занять свои места в боевых расчетах.

– Я иду с вами, – решительно заявил Закладин.

– Нет, – с несвойственной ему резкостью ответил Хансен. – У вас нет специального снаряжения, и вы не знакомы с тактикой боя.

– Но я могу оказаться полезен как врач, – не сдавался Закладин.

– Хорошо, – после секундного колебания согласился Хансен. – Собирайтесь. Только быстро.

Вместе с другими жителями поселения они бежали к изгороди.

Сирена, завывавшая, казалось, все более пронзительно, неожиданно умолкла, будто захлебнулась собственным ревом. Люди двигались в тишине молча. Каждый отлично знал, куда ему следовало идти и что он должен делать.

Оставив Закладина с группой женщин у строения, в котором располагался временный медицинский пункт, Хансен скрылся в темноте.

И без того нервную обстановку еще более раскаляло безмолвие, нарушаемое изредка только резкими, отрывистыми выкриками каких-то непонятных Закладину команд и злоеющим драконьим шипением больших станковых трассеров.

Просека между оградой и лесом была залита мертвенно-белым, неестественно ярким светом бестеневых прожекторов с вышек. Вся очищенная от леса полоса была заполнена движущейся, вздымающейся, плывущей, накатывающейся на ограду огромной массой пластунов. Под лучами прожекторов их асфальтно-черные тела блестели, как безупречно надраенные сапоги. Создавалось впечатление, что движется одно огромное, бесформенное тело, пытающееся подняться и, встав на дыбы, перевалить через изгородь. Натыкаясь на сетку с пропущенным по ней током, пластуны съезживались, превращаясь в сморщенные шары, откатывались назад, но ползущие следом снова и снова толкали их вперед, сами попадали под ток и тоже в свою очередь становились тараном для наползающих сзади. Масса тел, скапливающаяся у сетки, становилась все больше, и с каждой новой волной она обрушивалась на изгородь.

По спинам пластунов плясали рассеянные лучи тяжелых станковых трассеров, установленных на вышках. Как догадался Закладин, стрелки пытались отсечь дальние ряды пластунов от тех, что находились под изгородью и уже были поражены током.

Сетка ограды возле опор одной из вышек уже заметно прогибалась под тяжестью навалившихся на нее тел. Планомерно, то откатываясь назад, то снова бросаясь вперед, работая словно таран, пластуны кидались на сетку именно в этом месте, не обращая внимания на потери, наносимые бьющим с близкого расстояния трассером.

Пробежал, размахивая руками, Уилсон. Повинуясь его команде, между опорами вышки напротив качающейся изгороди выстроилась шеренга людей с ручными полуавтоматическими «радугами», убийная сила которых вовсе не соответствовала мирному названию.

Секция изгороди длиной около двух метров рухнула, и в образовавшийся пролом хлынул неуправляемый черный поток. В лоб ему ударили лучи трассеров. Прорвав сетку, пластуны стали недостижимы для стрелков на вышке, и теперь всю их собранную в кулак и рвущуюся вперед

массу пыталась удержать кучка людей, вооруженных ручным оружием. То один, то другой из них отбегал в сторону, чтобы перезарядить трассер, но место ушедших мгновенно занимали новые стрелки.

– Сейчас пластунов накроют напалмом, – услышал Закладин шипящий полусшепот одной из стоящих рядом с ним женщин.

– Ничего не выйдет, – так же тихо возразила ей другая. – Они же под башней, там их не достать.

Шаг за шагом обороняющиеся отступали. Теперь они уже не столько сдерживали натиск пластунов, сколько старались не дать им расползтись в стороны, растечься вдоль изгороди.

Но пластуны, похоже, и не собирались разбежаться. Пока часть из них продолжала теснить людей с трассерами, другие навалились на одну из башенных опор и принялись методично, так же как перед этим сетку, раскачивать ее. Гора тел у опоры становилась все выше. Ячеистая, сваренная из арматур конструкция заметно вибрировала.

Со стороны подбежала еще одна группа вооруженных «радугами» людей, возглавляемая рыжеволосым Уилсоном, и сделала попытку нанести удар по раскачивающим опору пластунам, но тотчас же была отброшена хлынувшим на них потоком черных тел. Закладин видел, как кто-то из отступающих споткнулся, упал и, прежде чем кто-то попытался помочь ему, был проглочен живой волной.

Опора подломилась в нижней трети. Страшно и неумолимо, как в замедленном кино, вышка стала клониться в сторону. Люди, находившиеся на смотровой площадке, попытались спуститься на землю, но под ними колыхалось сплошное море пластунов. В бессильной злобе, цепляясь за ступени раскачивающейся лестницы, они поливали плазменными струями черные спины, тщетно пытаясь расчистить хотя бы небольшой участок.

Башня наклонилась еще круче, на мгновение замерла в шатком равновесии и с тяжким грохотом обрушилась вниз. Взорвавшись, погасли прожектора. В кромешной тьме, накрывшей поле сражения, были видны только бледно-фиолетовые, стянутые в тугие жгуты плазменные струи.

Минуту спустя с двух соседних вышек развернули прожекторы в сторону упавшей.

Горстка людей – их оставалось человек семь или восемь – стояли спинами друг к другу, окруженные сплошным кольцом пластунов, отчаянно пытаясь удержать его неумолимое сжатие. У одного из них кончился заряд трассера. Его втокнули в середину круга, между спинами обороняющихся. Казалось, несчастные обречены.

Зловещую тишину разорвал надрывный рев двигателя, и в самую гущу пластунов врезался тяжелый гусеничный вездеход. Расталкивая в стороны и подминая под себя черные бесформенные тела, он продрался к зажатым пластунами людям, и те быстро вскарабкались на броню. Развернувшись, вездеход проделал еще одну траншею в расплывающемся по сторонам месиве пластунов.

В это время начали поступать раненые из тех, что были на вышке. Трех принесли на носилках, двое были уже мертвы. У Закладина больше не оставалось времени наблюдать за дальнейшим ходом сражения.

Вскоре в медпункте появился и доктор Хансен. Помыв руки и накинув поверх комбинезона белый халат, он принялся за работу. Вводя обезболивающее больному, которому Закладин в это же время перевязывал обожженную пластуном руку, он бросил на Семена короткий взгляд и тихо произнес:

– Такого еще не было ни разу.

И тут же перешел к другому раненому.

Неожиданно за окном вспыхнул ослепительно яркий свет. За первой вспышкой последовала еще одна, через минуту – еще.

– Напалм, – с радостной злостью произнес кто-то. – Теперь пластунам крышка.

Доставили еще несколько обожженных – у них главным образом пострадали лица и кисти рук, незащищенные комбинезоном, и одного молодого парня с открытым переломом голеностопного сустава – стопа была вывернута под прямым углом. Тяжело раненных погрузили в кузов подогнанной к крыльцу машины и в сопровождении доктора Хансена отправили в стационар. Те, кто мог передвигаться сам, получив первую помощь, расходились по домам.

Расстегнув халат, перепачканный кровью и желтыми пятнами антисептика, Закладин вышел на улицу. Поеживаясь от предрассветной прохлады, он прошелся вдоль крыльца. Легкий, стелющийся по земле ветерок гнал в сторону поселка густой сладковатый смрад горелой плоти. Возле изгороди кипела работа: восстанавливались поваленные секции, растаскивались обломки рухнувшей вышки, грузились на машину и вывозились куда-то за ограду туши пластунов, похожие на черные полупустые пластиковые мешки.

От группы людей в черных комбинезонах, направляющихся в сторону поселка, отделился невысокий стройный паренек и подошел к Закладину. Одной рукой он придерживал на плече ремень тяжелой «радуги», другой прикрывал глаз.

– Доктор, вы не поможете мне?

– Что случилось? – Закладин одернул халат и застегнул его на одну пуговицу.

– Да ничего страшного. Что-то в глаз попало.

Парень убрал руку от лица. Закладин, оттянув веко, подцепил кусочком марли черную соринку и капнул в глаз обезболивающего.

– Через пару минут пройдет.

Парень поморгал глазом, проверяя качество работы Закладина, и пальцем стер выступившую в уголке слезу.

– Спасибо, доктор. Вы, должно быть, эколог из центра? Семен Закладин?

– Да. – Закладин спрятал руки в карманы халата. – Туго вам сегодня пришлось?

– Как никогда. Пластуны просто обезумели. – Подцепив двумя пальцами возле ушей плотно облегающий голову шлем, парень сдернул его и откинул на спину. По плечам рассыпались волны густых черных волос. – Меня зовут Стелла Дилон.

– Вы родственница губернатора? – оправившись от изумления, спросил Закладин.

– Я его дочь.

Не зная, что сказать, Закладин только кивнул головой.

– Как продвигается ваша работа?

– Увы! – Закладин, взмахнув полами халата, развел руками. – Не продвигается, а стоит на месте.

– Пластуны не так просты, как кажется на первый взгляд, – понимающе наклонила голову Стелла. – Я поступала в университет на биологический факультет, хотела изучать пластунов, но отец настоял на том, чтобы я стала агрономом. Он считает, что будущее Штрака – это метелки.

– Вы с ним не согласны?

– Не до конца. Пластунам тоже следует оставить место на планете.

– Вы первый человек, от которого я слышу слова в защиту пластунов, – удивленно произнес Закладин. – Остальные, с кем я разговаривал, горят желанием уничтожить их.

– Их можно понять. Вы видели сегодняшнюю атаку?

– Да, – ответил Закладин и, сам не зная, почему он так решил, спросил: – Вы были среди тех, под башней, которых вывезли на вездеходе?

Стелла устало кивнула.

– С каждым разом атаки пластунов становятся все опаснее.

– Мне показалось – может, оттого, что я видел это в первый раз, – что пластуны действовали весьма целесообразно, я бы даже сказал – осмысленно.

Девушка посмотрела на Закладина с нескрываемым интересом.

– Вам тоже так показалось?

Закладин кивнул головой.

Прикрыв глаза, Стелла помассировала пальцами воспаленные веки.

– Мне бы хотелось поговорить с вами, но сейчас я слишком устала. Да и вы, впрочем, тоже. Голова почти ничего не сообщает. Не хотите зайти ко мне в гости завтра?

– Мне кажется, вашего отца не особенно обрадует мой визит – у меня для него нет никаких обнадеживающих новостей.

– Но вы же придете не к нему, а ко мне.

Стелла в корне пресекла его робкую попытку уклониться от визита в дом губернатора, и Закладину ничего другого не оставалось, как пообещать зайти. Ему действительно не очень-то хотелось лишний раз встречаться с губернатором, что, впрочем, вовсе не означало, что он не хотел бы увидеть снова его дочь.

Следующей ночью атака пластунов повторилась. Но изгородь к тому времени была уже восстановлена, а пыл пластунов явно пошел на убыль, так что корпус охраны отбил атаку без помощи жителей поселка.

Днем хоронили погибших. Над могилами произносил речь губернатор. Закладин не слушал, о чем он говорил, но с нарастающим страхом всматривался в лица сгрудившихся вокруг жителей Пиллоя. Они напоминали ему кадры военных хроник: сквозь выражение скорби и печали на них все более явственно проступало чувство ненависти. Всех объединял общий враг. Враг, с которым нельзя договориться, враг, которого следовало уничтожить без пощады и жалости, для того чтобы выжить самим. У многих присутствующих к поясу была пристегнута прямоугольная кобура ручного однолучевого трассера, у некоторых на плече висела еще и тяжелая автоматическая «радуга» с примкнутым к стволу воронкообразным энергорассеивателем. Казалось, они были готовы прямо сейчас, торопливо закидав могилы землей, отправиться за изгородь и, сметая на своем пути все живое, двинуться на восток. «Уничтожим врага, не считаясь ни с какими потерями!» – читалось на лицах.

Как будто в подтверждение своим мыслям, Закладин услышал фразу из речи губернатора:

– Мы не остановимся! Мы пойдем дальше и дальше! Мы уничтожим пластунов! Мы дойдем до восточного побережья и сбросим их в океан!..

Закладин стал медленно, то и дело наступая кому-то на ноги, пятиться назад. Выбравшись из плотной, душной толпы, он развернулся, вышел на неширокую грунтовую дорогу и быстро зашагал в сторону поселка.

Он шел к дому губернатора, собираясь возле него дожидаться возвращения Стеллы. Однако, к его удивлению, она сидела на крыльце, листая какую-то толстую книгу.

– Разве траурная церемония уже закончилась? – спросила Стелла, увидев перед собой Закладина.

– Я ушел, не дожидаясь конца. – Закладин сел на ступень ниже девушки. – А почему вы не там?

– Я ушла еще раньше. Терпеть не могу эти мистические камлания над мертвыми телами. «Отомстим, расквитаемся, уничтожим...» – Стелла резко захлопнула и отложила в сторону книгу. – Как будто говорят не о животных, а о вероломно напавших завоевателях, – слегка раздраженно закончила она.

– Это не первый случай гибели людей при атаке пластунов?

– Бывало и раньше, но редко. Чаще гибли лесорубы, подготавливающие плацдарм для перенесения границы. – Стелла поднялась на ноги. – Пойдемте в дом.

Они прошли через холл, в котором Закладин беседовал с губернатором, и по узкой лестнице поднялись на второй этаж. Комната Стеллы была маленькая, обставленная с удивительной

для молодой девушки строгостью – письменный стол, стул, кровать и стенные шкафы: книжный и платяной. На стене висел большой фотопортрет молодого мужчины в дымчатых очках.

– Кто это? – спросил Закладин.

– Майк Науменко, музыкант. Двадцатый век.

– К сожалению, не знаком с его творчеством, – смущенно развел руками Закладин.

– Если хотите, могу завести.

– Мы собирались поговорить о пластунах, – напомнил Закладин.

Стелла пододвинула Закладину стул, сама села на кровать.

– О пластунах я могу говорить без конца, если находится интересующийся этой темой собеседник. Таких здесь немного. У большинства штракиан при слове «пластун» рука автоматически тянется к трассеру.

– Как я мог заметить, вам это тоже не чуждо, – ввернул Закладин и тут же, по выражению лица девушки, понял, что сказал глупость.

– Вам, как человеку чужому, я эту бестактность прощаю, – ледяным тоном произнесла Стелла.

– Извините, – пробормотал Закладин.

– Замяли, – согласилась Стелла. Привычным жестом она отбросила волосы с лица. – В детстве для меня и моих сверстников пластуны были постоянными партнерами в играх. Тогда еще не было этой изгороди, и они спокойно ползали по газонам нашего поселка, никому не причиняя вреда. Любимой нашей игрой были скачки на пластунах. Пластуны жутко любят метелки. Если забраться на одного из них верхом, взять в руки длинный ствол метелки и помахать ее соцветием перед его носом, можно заставить пластуна ползти в нужном тебе направлении. Самым трудным было удержаться на покато холме его спины, когда под тобой перекачиваются упругие волны мышц.

– А как же ожоги, которые наносят пластуны?

– В том-то и дело, что не было у нас тогда никаких ожогов! Что мы только не вытворяли с пластунами – никто из них не нанес нам ни малейшей травмы! Мы даже в шутку боролись с ними.

– Но подождите, – растерялся Закладин. – Ведь к ним нельзя прикоснуться без пластиковых перчаток.

– Раньше было можно.

– Но это свойство пластунов связано с особенностями их пищеварительной системы.

– Которая, вероятно, изменилась в результате изменения пищевой базы. Прежде пластуны были преимущественно травоядными, а сейчас они зачастую нападают на мелких грызунов, употребляя их в пищу. Могу предложить и другое объяснение: таким образом пластуны попытались защитить себя после начала их массового уничтожения.

Закладин с сомнением покачал головой.

– Для подобных процессов требуются долгие годы.

– Сейчас у пластунов нет врагов, кроме человека, но, возможно, когда-то давно им уже приходилось использовать подобную тактику борьбы за выживание, а теперь они просто «вспомнили» о ней.

– Все эти рассуждения на уровне грубых околонучных спекуляций.

– Может быть, – кивнула Стелла. – В таком случае предложите иное объяснение.

Не дожидаясь ответа, она включила компьютер и вызвала на экран цветной двухмерный график. По горизонтальной оси тянулись острые красные пики, становившиеся по мере удаления от нулевой отметки все более частыми и высокими.

– На горизонтальной оси отложено продвижение изгороди на восток. На вертикальной – интенсивность атак пластунов, – объяснила Стелла. – Как видите, по мере уменьшения пло-

щади обитания пластунов атаки их становятся все более мощными, а интервалы между ними сокращаются – пластуны становятся все более агрессивными.

– Это вполне объяснимо: агрессивность вызвана чрезмерной плотностью животных на ограниченной территории.

– Но почему эта агрессивность направлена только на людей?

– Кто вам это сказал? – усмехнулся Закладин. – Может, они и друг на друге срываются.

– Почему же тогда они бросаются на изгородь не поодиночке, а огромными стаями?

– Известны и другие примеры массового самоуничтожения животных. Классический пример: лемминги, маленькие грызуны, которые, когда их разводится слишком много, гигантским потоком, сметая все на своем пути, бросаются в реки и тонут.

– Но пластуны бросаются на изгородь.

– Скорее всего они инстинктивно двигаются в сторону своего прежнего места обитания.

– А мне кажется, что они объявили нам войну и, как и люди, готовы погибнуть или вернуться назад отобранные земли.

– За вас говорят эмоции, – снова улыбнулся Закладин, подобно снисходительному учителю.

Но ни его слова, ни ироничный тон, которым они были произнесены, ни сопровождающая их улыбка ничуть не охладили азарта спорщика.

– Я считаю, что пластуны имеют полное право жить на своей земле. Пришельцы здесь мы, а не они, – с вызовом сказала Стелла.

– Полностью с вами согласен, но с этим вопросом следует обращаться не ко мне, а к правительству Штрака.

– Бесполезно. – Девушка безнадежно махнула рукой. – В правительстве уже обсуждался вопрос о создании природного резервата для пластунов, и решено было отвести для него восточную оконечность материка, непригодную для земледелия. Но пластуны не могут жить в горах.

Стелла склонила голову, и волна волос, упавшая ей на лицо, скрыла от Закладина ее глаза. Он нерешительно протянул руку и самыми кончиками пальцев коснулся ее ладони, лежащей на столе. Девушка резко отдернула руку.

– Я не хочу, чтобы Штрак превратился в одну большую метелочную плантацию. Я родилась и выросла здесь и хочу, чтобы мои дети увидели Штрак таким, каким запомнила его я – с лесами и пластунами. А, похоже, вместо этого им придется продолжать бессмысленную, становящуюся все более жестокой войну, начатую еще их дедом.

– Наверное, вы единственный человек на Штраке, готовый поделиться с пластунами жизненным пространством.

– Борьба с пластунами – это правительственная программа. Пару лет назад была разогнана организация, пытавшаяся выступить в защиту пластунов. Ее активистам предъявили обвинение в подрыве экономики Штрака. С тех пор мало кто решается открыто высказывать свое мнение по этому вопросу.

– Но совсем недавно вы сами стреляли в пластунов.

– Стреляла, потому что прекрасно представляю, что произойдет, если вал пластунов ворвется в поселок. Вы видели, как они повалили сторожевую вышку?

– Да, видел. Это была первая атака пластунов, которую я наблюдал. Возможно, я не прав, но их действия показались мне довольно-таки осмысленными. Казалось, они знают, чего хотят.

– Вот именно. Пластуны не так глупы, как принято думать. Их действия становятся все более опасными, они учатся сопротивляться. Мы сами создали себе врага. Рано или поздно пластуны прорвутся через изгородь, и тогда нам придется либо сдаться, либо начать все заново. Это будет бесконечная война.

– Но чем могу помочь я? Меня пригласили для того, чтобы найти эффективное средство борьбы с пластунами. Пока у меня ничего не получается, и я совсем не уверен в дальнейшем успехе.

– Бойню может прекратить Экологический центр, если пришлет на Штрак своих наблюдателей. Но убедить его предпринять какие-то конкретные действия может только ваш отчет.

– Сомневаюсь, – качнул головой Закладин. – Экологический центр может угрохать кучу сил и средств на борьбу за спасение какого-нибудь таракана, и без того неплохо живущего на одной из центральных планет Галактической Лиги, только потому, что эта борьба будет проходить у всех на виду. А о Штраке, куда грузовые корабли прилетают только раз в полгода, людям известно только то, что там производят штраковое масло. Какой меценат согласится оплачивать пребывание наблюдателей Экоцентра на вашей планете, если оно не сулит ему даже мимолетного появления на телеэкранах?

– Это означает, что ваш отчет должен быть составлен так, чтобы на него обратили внимание, чтобы о нем без умолку говорили в выпусках Всемирных новостей.

– Легко сказать, – усмехнулся Закладин. – Я же пишу научный отчет, а не детективный роман.

– В таком случае его следует ярко проиллюстрировать. – Стелла высыпала на стол пачку больших, отлично отпечатанных фотографий. – Во время атак я беру с собой не только трассер, но и фотоаппарат.

На фотографиях были изображены эпизоды ночных боев с пластунами: люди с изрыгающими пламя трассерами в руках, с перемазанными жирной копотью, искаженными злобой и страхом лицами; проволочная сетка, прогнувшаяся под массой навалившихся на нее скорченных, обожженных пластунов; черная масса, вываливающаяся в пролом, озаренная пляшущими по ее глянцевой спине смертоносными лучами; похожая на круглый полураспустившийся бутон большого огненного цветка, сметающая все на своем пути вспышка напалма.

На другой серии снимков были показаны результаты сражения: покрытые волдырями и язвами лица и конечности людей; тело в черном комбинезоне, расплющенное тяжелой бетонной балкой; огромное пространство выжженной земли, которая на долгие годы останется бесплодной; груды еще дымящихся тел пластунов, похожих на лопнувшие, сморщенные надувные шары.

– А для контраста можно показать вот это.

На фотографии, которую Стелла положила сверху, темноволосая девочка лет пяти весело улыбалась, сидя на спине огромного пластуна.

– Должен признаться, производит сильное впечатление, – произнес Закладин, собирая фотографии в стопку.

– Вы согласны сопроводить свой отчет этими фотографиями?

– Почему бы не опубликовать эти снимки вместе с очерком в какой-нибудь крупной центральной газете? – предложил Закладин. – Это произвело бы должное впечатление на общественность.

– Это должно быть не эмоциональное выступление, а строгий, беспристрастный отчет. В противном случае он будет расценен на Штраке как стремление к сенсационности, раздувание ненужных страстей и бог еще знает как, а все последующие действия будут восприниматься только враждебно.

– Что ж, я согласен, – ответил после недолгого размышления Закладин. – Есть лишь одно дополнение. Материалов для отчета у меня – кот наплакал. Мне необходимо хотя бы описать жизнь пластунов в естественных для них условиях, подтвердив тем самым их миролюбивость и неопасность для людей. Я уже обращался к губернатору с просьбой разрешить мне полевой выход, но, как передал мне доктор Хансен, ваш отец ответил решительным отказом. Не могу же я в самом деле тайком убежать за изгородь с блокнотом и бутербродом в кармане!

– Отца я беру на себя, – улыбнувшись, уверенно пообещала Стелла.

Стелле действительно удалось добиться для Закладина разрешения выйти в лес. Более того, она сама решила сопровождать его в этом походе, а настоять на этом ей было гораздо труднее.

Всеми приготовлениями Стелла занималась сама, уверенно и твердо заявив, что ей лучше, чем какому-то там чужаку, известно, что необходимо для прогулки по Штраку. Не считая различных мелочей, они взяли с собой пару защитных комбинезонов, надувную палатку, ручные трассеры «стинг-8», радиотелефон и провизию на пять дней. В случае необходимости продукты и дополнительное снаряжение им должны были доставить из поселка вертолетом.

Три дня они шли по лесу, который мог показаться вымершим, если бы не птицы, перепархивающие с ветки на ветку в кронах высоких деревьев. Внизу же царило запустение: травы на земле почти не было, кустарник весь изломан, а мелкий просто вывернут с корнем – следы, оставленные прошедшими здесь недавно полчищами пластунов. Живые пластуны им долго не попадались – только гниющие обрубки, которые смогли после ночной атаки на изгородь отползти в лес, но не сумели регенерироваться до полноценной особи.

Первые встретившиеся живые пластуны вели себя довольно настороженно. Почувствовав каким-то таинственным чутьем приближение людей, они напряженно сжимались всем телом, превращаясь почти в ровный шар, но через несколько минут успокаивались и продолжали свое неспешное ползание.

Вдали от границы лес постепенно ожил, зашевелился, заговорил птичьими и звериными голосами. Однако в нем по-прежнему ощущалось некое, почти незаметное для глаза усталостное напряжение, как в стальной пружине, сдерживающей давление, превышающее расчетное, готовой лопнуть от легчайшего прикосновения крыла бабочки.

За два дня пластуны не совершили ни единой попытки напасть на людей. Закладин и Стелла, отбросив первоначальную осторожность, сняли защитные комбинезоны, в которых было жарко и неудобно. Но кобуру с трассером каждый из них все-таки оставил пристегнутой к поясу.

Стелла обратила внимание Закладина на то, что на земле, как и прежде, очень мало травы и низкорастущей зелени – пищевая база пластунов предельно истощена.

С каждым днем пути пластунов становилось все больше. Порой на ограниченном пространстве их скапливалось так много, что прежде чем поставить ногу, приходилось долго высматривать свободное место. Но вели они себя все так же мирно. Закладин пробовал угощать их продуктами из собственных запасов, но они отвергли все, кроме сильно соленой брынзы. Съев предложенную порцию, пластун долго сидел на месте, ожидая, не перепадет ли еще кусочек.

Стеллу удивляло и беспокоило то, что им совершенно не попадают яйца пластунов.

– Раньше они разбрасывали их где попало, – говорила она, заглядывая под кусты в надежде обнаружить яйца там.

– Может, они сами их и поедают? – предположил Закладин.

– Откуда же в таком случае берутся новые пластуны? – логично возразила Стелла, красноречивым жестом руки указывая на окружающие их со всех сторон блестящие черные спины.

Ответ они получили через день, когда вышли к краю большой, залитой солнцем поляны. Из-за спин скопившихся пластунов не было видно земли. Казалось, пластуны выползли сюда просто так, чтобы погреться на солнце, однако, присмотревшись, в кажущейся бессмысленной хаотичности перемещений животных можно было выделить два направления движения чер-

ных спин – на противоположный край поляны, к поваленному стволу огромного, вывороченного с корнем из земли дерева и обратно.

– Что за столпотворение? – спросил сам себя Закладин.

Стелла удивленно пожала плечами.

– Никогда не видела ничего подобного, – шепотом, словно опасаясь привлечь внимание занятых каким-то своим таинственным делом пластунов, ответила она.

– Давай-ка попробуем обойти лесом и подобраться поближе к дереву, – предложил Закладин.

Но и лесом идти оказалось непросто. Пластунов вокруг было густо, и, двигаясь вперед, для того чтобы поставить ступню на землю, приходилось аккуратно, но настойчиво расталкивать их плотно прижатые друг к другу тела ногами.

Когда, пройдя достаточное, как им казалось, расстояние, Семен и Стелла попытались снова выйти к поляне, это их действие вызвало весьма необычную ответную реакцию со стороны пластунов. Они раздались в стороны, образовав круг голой земли диаметром около двух метров. Передние пластуны изогнулись дугой, края их тел, обращенные в центр, нервно подрагивали.

Стелла положила руку на кобуру трассера.

– Кажется, они собираются наброситься на нас.

– Спокойно. – Закладин взял ее за руку, не давая достать оружие. – Медленно отходим назад.

Они сделали несколько шагов в сторону от поляны. Давая им дорогу, пластуны расступились и, успокоившись, снова перестали замечать.

Отойдя немного в сторону, Семен и Стелла предприняли еще одну попытку выйти на поляну, но вновь натолкнулись на пассивный, но решительный отпор пластунов.

– Я заберусь на дерево и попробую оттуда что-нибудь рассмотреть, – сказал Закладин, сбрасывая на землю рюкзак.

Он повесил на шею бинокль и, ухватившись, подтянулся на нижних ветвях ближайшего достаточно высокого и крепкого дерева. Не забираясь слишком уж высоко, он уселся верхом на толстый сук, прижался спиной к стволу и приложил к глазам бинокль. Какое-то время взгляд его хаотично блуждал по колышущемуся морю черных горбатых спин. Наконец в поле зрения попали вывороченные из земли корни дерева. Омытые дождем, высушенные солнцем, они были темно-желтого цвета, похожие на длинные, скрюченные артритом, тянущиеся за чем-то невидимым и недостижимым пальцы. Ствол дерева был глубоко вдавлен в мягкую землю, а возле него аккуратными рядами в несколько слоев лежали матово-белые идеально круглые шары. Размеры их, если сравнивать с ползающими рядом пластунами, достигали, должно быть, сантиметров тридцати в окружности.

– Это огромное гнездовье пластунов, – сообщил Закладин Стелле, спустившись на землю.

– Здесь что-то не так, – недоверчиво наклонила голову девушка. – Пластуны не устраивают гнездовий.

– Не устраивали прежде. Вмешательство человека, изменив образ жизни пластунов, заставило их изменить и поведение. Раньше у пластунов просто не было необходимости заботиться о будущем потомстве, на Штраке у них не было врагов.

– А разве не это же самое я пыталась доказать тебе дома? – Стелла грозно посмотрела на Закладина.

Закладин уронил голову на грудь.

– Моя вина, – кающимся голосом произнес он.

– В другой раз будешь прислушиваться к тому, что я говорю, – строго погрозила пальцем Стелла.

Неподалеку от поляны они обнаружили еще одно гнездовье, намного больше первого, расположенное в небольшом овражке. На следующий день – еще два. Всякий раз, пытаясь подойти поближе, они наталкивались на предостерегающее недовольство пластунов.

– Представляю, что здесь будет твориться, когда птенчики начнут вылупляться из яиц, – сказала вечером, сидя у входа в палатку, Стелла.

– Потолкавшись день-другой, их родители снова бросятся на сетку. Вероятнее всего, пики агрессивности пластунов совпадают с периодами появления потомства, которому не хватает ни пространства, ни еды для нормального развития.

– Но с чем связано то, что атаки пластунов становятся все более частыми?

– Возможно, с тем, что в разных гнездовьях выход детенышей происходит в разное время, а гнездовый становится все больше. Волны обезумевших родителей как бы сменяют друг друга: в то время как одна откатывается от сетки, другая уже движется вперед.

– Учитывая при атаке опыт своих предшественников, – закончила за него Стелла. – Теперь ты с этим уже не будешь спорить?

– Возможно, ты права, – задумчиво произнес Закладин. Лицо и взгляд его были серьезны. – Не исключено, что пластуны, каким-то образом общаясь между собой, обмениваются информацией.

Стелла, улыбнувшись, откинула волосы с лица и ничего не сказала.

– Обрати внимание на этого парня. – Закладин указал на неторопливо ползущего мимо них пластуна.

Пластун, ползший до этого, не замечая людей, по какой-то своей надобности, неожиданно остановился, развернулся в их сторону, подполз поближе и замер у ног Закладина, выжидающе приподняв передний край своего растекшегося по земле тела.

– Чего он хочет? – удивилась Стелла и на всякий случай поджала ноги.

– Брынзы.

Закладин достал из рюкзака белый кубик брынзы, освободил его от упаковки и бросил на землю. Пластун тут же накрыл любимое лакомство.

– Ты решил заняться дрессировкой пластунов? – рассмеялась Стелла, переводя взгляд с довольного Семена на не менее, должно быть, удовлетворенного пластуна.

– Ты можешь проделать то же самое, – сказал Закладин. – Я только представил вкус брынзы во рту, и пластун сразу же понял меня.

– Невероятно, – покачала головой Стелла. – Ты хочешь сказать, что они могут читать мысли?

– Ну, это вряд ли. Скорее всего пластун может воспринять только самые простые образы, настроение и ощущения находящихся рядом с ним живых существ.

– И таким образом можно управлять поведением пластунов?

– Может быть. Пока не знаю. Но теперь я не сомневаюсь, что агрессивность пластунов спровоцирована ненавистью к ним со стороны людей. Пластуны ползут на запад, чтобы освободить жизненное пространство своему потомству, и наталкиваются там на железную изгородь и стену ярости. Ты была права, когда сказала, что люди сами создали себе врагов.

– Странно, что никто прежде не обращал внимания на эту способность пластунов.

– Наверное, все же что-то замечали, но не придавали этому значения. Ты рассказывала, как каталась в детстве на пластунах. Может, они ползли не за протянутой метелкой, а выполняя твое желание? – Закладин улыбнулся. – Хочешь еще доказательств?

– Не отказалась бы.

– Дай мне фотоаппарат.

Закладин взял из рук девушки фотоаппарат и проверил, сколько пленки в нем осталось.

– Что ты собираешься делать?

– Хочу снять гнездовье с близкого расстояния.
– Попросишь своего дрессированного пластуна сделать для тебя пару снимков? – лукаво улыбнулась Стелла.

– Нет, сам превращусь в пластуна, – улыбнулся в ответ ей Закладин и, поднявшись на ноги, направился к краю поляны.

– Ты с ума сошел! – вскочила на ноги Стелла.

– Не волнуйся, – обернулся к ней Закладин. – На этот раз пластуны пропустят меня.

– Что ты затеял? – Стелла догнала Закладина и требовательно дернула за рукав. – Ответь, или я никуда тебя не пущу!

– Я просто попытаюсь представить себя одним из пластунов, – сказал Закладин. – Если я прав в своих догадках, пластуны должны принять меня за своего.

– А если нет?

– Если они снова попытаются остановить меня, я просто вернусь назад.

– В таком случае я пойду с тобой, – решительно, тоном, не приемлющим возражений, заявила Стелла. Категоричностью своих заявлений она, несомненно, походила на отца.

– Для начала попробуй представить себя пластуном, – попытался отшутиться Закладин, стараясь одновременно мягко и незаметно освободиться от удерживающих его рук. – Может, у тебя ничего не получится.

– Все у меня получится, – ответила Стелла, еще крепче ухватив руку Закладина, и закрыла глаза.

Она чуть прикусила зубами нижнюю губу. Лицо ее сделалось напряженно сосредоточенным.

Глядя на кажущееся спящим, по-детски беззащитное лицо девушки, Закладин с трудом удерживался от желания ласково погладить ее по волосам. Он стоял и молча ждал.

Через полминуты Стелла открыла глаза.

– Все, я готова, – серьезно сообщила она Закладину.

– Ты уверена? – все еще с сомнением переспросил он.

– Абсолютно. – Стелла нетерпеливо дернула его за рукав. – Пошли.

Медленно, не спеша, внимательно наблюдая за реакцией пластунов, они подошли к краю поляны. Пластуны не проявили ни малейшего беспокойства даже тогда, когда люди, раздвигая их ногами, вышли на свободное от кустов пространство и направились напрямик к месту, где находилось гнездовье.

Стелла, повернув лицо к Закладину, шутливо насупила брови и заговорила медленно, утробным голосом:

– Я черный-черный пластун, мне нравится ползать на брюхе, я люблю брынзу...

– Отлично, отлично, – прервал ее Закладин, вовсе не разделяя ее игривого настроения. – Только не вспоминай о своем трассере.

– А я, пластун, и знать не знаю, что это за штука, – с деланным изумлением вскинула брови Стелла.

Пластуны вели себя по-прежнему спокойно, но Закладин начал уже ругать себя за то, что втянул Стеллу в эту глупую и, по сути, совершенно бессмысленную затею. На десятки метров вокруг расстилалось ровное, лишенное растительности пространство, заполненное едва колышущимся скоплением глянцево-черных тел. Если сейчас по какой-то причине пластуны решат напасть, у людей не будет ни малейшего шанса на спасение. Два ручных узколучевых трассера не в силах удержать многотонную массу, если она обрушится на них всей своей тяжестью.

Стелла же не испытывала подобных сомнений. Она будто снова очутилась в детстве, когда пластуны были ее друзьями, быстро и уверенно шла вперед. Временами ей даже казалось, что пластуны сами отодвигаются в стороны, давая ей возможность поставить ногу на землю.

Наконец они достигли крайнего ряда яиц. Белые, кожистые, яйца были похожи на туго накачанные мячи. Присев на корточки, Закладин осторожно потрогал одно из яиц пальцем. Казавшаяся плотной оболочка яйца легко поддалась нажиму, прогнулась внутрь и мгновенно приняла прежнюю форму, как только палец был убран.

Стелла погладила одно из яиц ладонью.

– Теплое, – шепотом произнесла она.

Забрав у Закладина фотоаппарат, она пошла вдоль яичного ряда. Время от времени она приседала или опускалась на колени и, поймав в видоискатель удачный ракурс, щелкала затвором.

Закладин тем временем смотрел по сторонам, внимательно наблюдая за поведением пластунов, стараясь не пропустить малейшего признака беспокойства или недовольства с их стороны.

– Эй! – махнула рукой Стелла. – Иди скорее сюда!

Она сидела на корточках, успев отойти от Закладина метров на десять, и что-то с интересом рассматривала.

Когда Закладин подошел к ней, девушка указала на одно из яиц.

– По-моему, здесь скоро вылупится птенчик, – радостно сообщила она.

Яйцо едва заметно покачивалось из стороны в сторону, из него доносились тихие, но отчетливые чмокающие звуки.

– Ты уже когда-нибудь видела, как рождаются пластуны? – спросил Закладин.

– Нет, но надеюсь сейчас увидеть, – ответила Стелла, торопливо меняя в фотоаппарате пленку.

– Может, нам лучше уйти, пока это не началось? – нерешительно предложил Закладин. – Многие животные весьма активно защищают свое потомство от чужаков.

– Ни за что на свете! – резко воспротивилась Стелла. – Нельзя упускать такую возможность! К тому же ты, должно быть, забыл, что мы здесь вовсе не чужие. Я, например, уже полностью смирилась с мыслью, что стала пластуном.

Закладин пожал плечами и не стал спорить. Общаясь со Стеллой, он успел привыкнуть, что все споры с ней всегда заканчиваются не в его пользу. Но про себя он отметил, что и ему уже не составляет никакого труда вообразить себя пластуном. Если вначале для этого требовалось постоянное усилие мысли и воображения, то сейчас эта работа отошла на второй или даже третий план сознания, куда-то в глубину. Закладин мог говорить или думать о чем угодно, а его подсознание само собой, как включенный автоответчик, посылало опознавательные сигналы: «Я – свой. Я – пластун».

Яйцо качнулось сильнее, центр тяжести в нем сместился, и оно откатилось чуть в сторону от остальных.

– Эх, надо было взять с собой и видеокамеру, – с досадой произнесла Стелла, не переставая при этом щелкать затвором фотоаппарата.

Влажные чмокающие звуки внутри яйца стали громче, отчетливее. На мгновение оболочка покрылась сетью мелких морщин, и вслед за этим оно сжалось, словно из него резко выкачали все его содержимое. Оболочка лопнула сразу в нескольких местах, и на землю выкатился серый, покрытый прозрачной слизью комок. Дернувшись пару раз, он развернулся, выгнулся и превратился в маленького пластуна, который тут же принялся поедать остатки кожистой оболочки своего яйца.

– Как дела, малыш?

Стелла пощекотала пальцем новорожденного пластуна. Но малыш, занятый своим важным делом, никак не отреагировал на ее ласку.

Закладин поднялся на ноги и, осмотрев кладку, заметил поблизости еще несколько лопнувших яиц.

– Все, теперь мы точно уходим, – решительно произнес он, беря Стеллу за руку, чтобы, если потребуется, тащить ее за собой силой. – Началось.

На этот раз Стелла спорить не стала. Она только спросила:

– Что началось?

Закладин, ничего не ответив, повел ее к лесу.

Возле кустов он подобрал оставленные ими вещи и оттащил их подальше от поляны с пластунами.

День клонился к закату. Под сенью деревьев заметно сгустились серо-зеленые сумерки. Закладин поставил на землю и включил мощный круговой фонарь, расчехлил и начал устанавливать на новом месте палатку. Стелла, присев на корточки и прислонившись спиной к стволу дерева, молча наблюдала за ним.

– Может, скажешь наконец, что произошло? – спросила она через некоторое время.

Закладин укрепил последнюю растяжку и повернулся к девушке. Лицо его было взволнованным.

– Ты ничего не почувствовала там, возле гнездовья? – спросил он.

– Нет. – Стелла нахмурилась. – А что я должна была почувствовать?

– Я не знаю, как это правильно назвать... Пластуны начали беспокоиться.

– Из-за нас?

– Нет. Не из-за нас – это точно. Должно быть, из-за своего потомства. Я ощутил их волнение сразу же после того, как первые малыши появились из яиц. Оно очень быстро нарастало, становилось нервным, неконтролируемым... – Закладин быстро, словно отгоняя неприятное воспоминание, провел ладонью по лицу. – Через день-другой они двинутся на запад.

– Новая атака?

– Да. – Закладин опустил на землю. – Завтра утром мы свяжемся с поселком и предупредим людей. Вызовем вертолет, и ты отправишься домой.

– А ты?

– Я продолжу наблюдение за пластунами. Попробую дойти с ними до изгороди.

– Я останусь с тобой.

– Нет. Это может оказаться опасным.

– Не опаснее, наверное, чем отбивать атаки пластунов с другой стороны изгороди, – парировала Стелла.

Закладин тяжело вздохнул и развел руками.

– С отцом будешь объясняться сама.

Стелла обхватила его рукой за шею, притянула к себе и благодарно чмокнула в щеку.

– Ну, конечно же, – сказала она, глядя Семену в глаза. – Ты же меня знаешь.

– В том-то и дело, что знаю, – теперь уже обреченно вздохнул Закладин. – Можно подумать, что, если бы я строгим голосом приказал тебе отправляться в поселок, ты бы меня послушалась.

– Кто знает, – сдерживая смех, почти серьезно ответила Стелла. – Надо было попытаться.

В течение двух последующих дней Закладин с волнением и беспокойством продолжал ощущать всевозрастающую нервность пластунов. Это было похоже на низкий, раскатистый гул, воспринимаемый не ушами, а всем телом, каждым сантиметром кожи, каждым волоском. Временами он становился почти нестерпимым. В такие моменты Закладину хотелось вскочить на ноги, куда-то бежать, делать что-то, и только отсутствие конкретной цели удерживало его на месте. Нечто подобное, похоже, чувствовали и пластуны. В бесцельном возбуждении переползали они с места на место, то собираясь многочисленными группами, то растекаясь в стороны, но все еще продолжали держаться поблизости от места теперь уже почти пустого гнездовья.

Стелла, как ни старалась, не могла почувствовать то, что описывал ей Закладин. Она то и дело подтрунивала над ним, говорила со смехом, что скоро он превратится в настоящего пластуна и будет, как они, ползать по земле на брюхе вместо того, чтобы ходить ногами. Ее больше всего интересовал вопрос, куда подевались маленькие пластуны, которых нигде не было видно?

К середине третьего дня Закладин понял, что возбуждение в массе пластунов достигло критической точки. Он велел Стелле укладывать вещи, а сам стал спешно сворачивать палатку.

Пластуны двинулись на запад. Они еще не видели цели, не понимали, куда идут, но знали, что должны освободить место для недавно появившегося на свет потомства.

Закладин со Стеллой старались вначале держаться в первых рядах мигрирующих животных, но пластуны двигались день и ночь без остановки, и через пару дней люди значительно отстали от авангарда.

Пластуны остановились на расстоянии дневного перехода от изгороди, за которой их ждали вооруженные трассерами, готовые к бою жители поселка. В течение суток подтягивались отставшие.

Закладин со Стеллой, опасаясь, что их сомнут перекатывающиеся с места на место, наползающие друг на друга медленные гигантские черные волны пластунов, укрылись между огромными, выступающими из земли корнями одиноко стоящего дерева.

Стелла сидела, обхватив руками рюкзак, втянув голову в плечи. Привыкшая к бесконечным кровавым битвам с пластунами, она не испытывала страха перед огромным скоплением черных тел, но некое внешнее воздействие, необъяснимое и поэтому неподконтрольное разуму, вызывало непроизвольное желание сделаться как можно меньше, незаметнее.

Закладин полулежал, откинув на рюкзак голову и прикрыв глаза. Он прислушивался к себе, к своим ощущениям и чувствам, пытаясь понять, что же происходит с пластунами? Какая сила движет ими? Пока они испытывали только замешательство и нерешительность. Те, что двигались впереди, успели доползти до изгороди и вернуться обратно. Теперь уже всем пластунам было известно, что дорога вперед закрыта. Нет, это вовсе не походило на массовое бессмысленное самоубийство леммингов, бросающихся с отвесных скал в воду. Пластуны ждали. Но чего, чего они ждали? Этого как раз силится и не мог понять Закладин. Что должно было послужить сигналом к неизбежной атаке?

Так прошли сутки, заполненные нервным ожиданием. Пластуны не двигались с места, люди оставались в своем убежище. Неестественная неподвижность Закладина, поддерживающего чувственный контакт с пластунами и не желающего прервать его хотя бы на минуту, беспокоила и даже пугала Стеллу. Только однажды девушке удалось вырвать его из погруженности в мир пластунов и едва ли не силой заставить немного поесть.

Вечером второго дня неподвижного ожидания Стелла заметила, как дернулось одеревеневшее лицо Закладина. Волны странных мимических движений, отображающих непонятные, непередаваемые человеческим языком чувства, сменяясь с калейдоскопической быстротой, порою наслаиваясь одно на другое, промелькнули на нем и исчезли, стертые волевым усилием.

Пластуны получили сигнал. Мгновенно прекратилось бесцельное шараханье из стороны в сторону, и могучая масса живой материи одновременно двинулась в едином направлении – на запад, на изгородь.

Закладин одним быстрым движением, как будто и не было позади двух дней почти полной неподвижности, поднялся на ноги.

– Идем с ними, – сказал он Стелле. – Возьми с собой только радиотелефон. Сообщи в поселок, что атака началась.

К тому времени, когда пластуны вышли к изгороди, солнце уже почти закатилось. Тьма с востока быстро надвигалась на противоположный край неба, проглатывая последние синеватые оттенки. Просеку, отделяющую лес от изгороди, заливал яркий свет прожекторов со сторожевых вышек, от чего лесная тьма становилась еще более непроглядной.

Пластуны снова остановились. Казалось, стена света стала для них непреодолимой преградой. Но вот произошло нечто, чего не ожидали и сами пластуны. Словно волна нервной дрожи прошла по их спинам, передаваясь от одного к другому, и тысячи черных тел слились в одно огромное существо. Каждый отдельный пластун стал клеткой гигантского тела, превратился в нейрон мозга Большого Пластуна. Суммируя знания и опыт тех, кто составлял его, он создавал для себя картину мира. Большой Пластун знал, что главная задача – проникнуть за изгородь, поэтому особенно внимательно считывал информацию тех пластунов, которым уже приходилось участвовать в атаках. С поразительной быстротой и точностью он собирал, подобно мозаике, единую картину, подгоняя друг к другу разрозненные осколки того, что сумела вобрать и сохранить примитивная нервная система пластунов. Примерно через пятнадцать минут после своего появления на свет Большой Пластун знал почти все о системе охраны границы и у него уже был готов план действия.

Для Закладина появление Большого Пластуна явилось неожиданностью, повергшей его в первый момент в состояние шока. Он вдруг почувствовал себя растворенным в мощном потоке коллективного сознания, крепнущем, набирающем силу, становящемся все более самостоятельным и независимым от составляющих его существ. На какое-то время Закладин перестал ощущать свое тело, потерял способность воспринимать мир иначе, как через сознание Большого Пластуна, которое передавало ему лишь тот минимум информации, который считал необходимым. И только в тот момент, когда Большой Пластун попытался проникнуть в его мозг, Закладин пришел в себя.

Натолкнувшись на необычайно плотный поток нервных импульсов, Большой Пластун воспринял его просто как досадный источник помех, разбираться с которым у него сейчас не было времени. Он просто обошел его стороной и продолжил сканирование нервных центров других пластунов.

Закладин посмотрел на Стеллу. Она по-прежнему ничего не чувствовала и, не понимая, что происходит вокруг, растерянно озиралась по сторонам.

– Все в порядке, – тихо произнес Закладин, ободряюще улыбнувшись девушке.

На объяснения не было времени – он старался не потерять нить, связывающую его с Большим Пластуном.

Большой Пластун двинул вперед левое крыло своего тела. Вал пластунов выкатился из леса на залитую светом просеку и пошел на изгородь. С вышки, той самой, которая была повалена во время прошлой атаки, ударили вниз два широких рассеянных луча тяжелых станковых трассеров. Они задержали пластунов лишь на несколько минут, и вот уже первые из них, сумевшие под прикрытием мертвых тел преодолеть заслон из плазменных струй, ткнулись в сетку изгороди и тут же отпрянули назад, корчась и извиваясь, обожженные ударами тока.

Боль отзывалась в каждой клетке огромного тела Большого Пластуна, не давала ему сосредоточиться на дальнейших действиях, и он отделил от себя атакующих изгородь пластунов, оборвав с ними связь. Но прежде чем проделать эту операцию, он задал программу участку своего тела, подлежащему ампутации. Теперь пластуны, оставленные своим властелином, будут в слепой, непонятной для них самих ярости бросаться на изгородь снова и снова и гибнуть под ударами трассеров и электрических разрядов. Они обречены на смерть – для того, чтобы прорвать изгородь, их слишком мало.

Большой Пластун развернул свое тело и под покровом лесной тьмы двинул его вдоль изгороди в сторону от места бессмысленной бойни.

Закладин шел вместе с пластунами, крепко держа Стеллу за руку. Он старался держаться в центре стаи – так ему было легче следить за действиями, которые только еще собирался предпринять Большой Пластун.

– Что происходит? – тряхнула его руку Стелла. – Почему пластуны уходят?

– Они не уходят, – коротко и резко бросил Закладин. Разговор со Стеллой отвлекал его.

– Но почему?.. – начала было девушка.

– Потом, – почти грубо оборвал ее Закладин. – Все – потом.

Большой Пластун остановился, тело его расслабилось – он чего-то ждал.

Закладин вышел к просеке и выглянул из кустов, пытаясь определить, где они находятся. Яркий свет прожекторов слепил глаза, не давая возможности разглядеть что-либо по ту сторону изгороди. Но Стелла, сориентировавшись по одной ей заметным признакам, определила:

– Мы между пятнадцатой и шестнадцатой сторожевыми вышками. За изгородью, метрах в ста, – силовая подстанция.

Закладину стал понятен план Большого Пластуна. Еще не было случая, чтобы пластуны атаковали в двух разных местах. Оттянув основные силы людей с помощью брошенных в бой смертников, Большой Пластун собирался прорвать изгородь неожиданным ударом в другом, почти незащищенном месте и вывести из строя силовую подстанцию. Если ему это удастся, то граница на довольно протяженном участке будет обесточена и неосвещена, а в темноте преимущество будет на стороне пластунов, прекрасно ориентирующихся без помощи зрения. Воображение Закладина живо нарисовало картину: медленный черный поток, растекающийся по темным улицам поселка, озаряемым редкими короткими вспышками переносных фонарей. Он заполняет дома, затягивает в свои водовороты тщетно ищущих спасения людей...

– Но как? Откуда он узнал про подстанцию? – в ужасе крикнул Закладин.

«От тебя и узнал», – угадал он ответ Большого Пластуна.

Большой Пластун на одно короткое мгновение восстановил контакт с умирающей частью своего тела, все еще продолжающей с бессмысленным отчаянием бросаться на изгородь, под плазменные струи, с шипением пронзающие ее плоть, и понял, что там исход боя уже предрешен – окончательное уничтожение остатков его брошенной армии было делом нескольких минут. Настало время действовать самому, и он двинулся к просеке.

«Стой! Остановись! Назад!» – приказал мысленно Закладин, однако Большой Пластун, мыслящий образом, не воспринимал его слова.

Закладин попытался внушить Большому Пластуна ужас и боль, которые начнут раздирать его тело возле изгороди, но то ли представленная им картина была недостаточно яркой, то ли Большой Пластун знал и заранее смирился с ожидающими его страданиями, он не остановил и не замедлил движения своего тела. Пластуны выползли на освещенную просеку.

В бессильном отчаянии Закладин выхватил трассер, вдавил в рукоять гашетку и, описывая широкую дугу, провел лучом по спинам окружающих его пластунов. Он действовал интуитивно, без какого-либо расчета, и сам был поражен эффектом, который произвел на Большого Пластуна его безрассудный поступок.

Большой Пластун содрогнулся от внезапной, неожиданной боли. Но в гораздо большей степени, чем боль, его поразило, что удар был нанесен совсем не с той стороны, откуда исходила угроза, а из центра его огромного тела. Ему казалось, что само его тело принялось калечить себя.

Закладин рванул Стеллу за руку и побежал, таща девушку за собой, прямо по спинам пластунов, стреляя то назад, то в сторону, то прямо себе под ноги.

Большой Пластун, извиваясь, корчась всей своей огромной массой, тщетно пытался локализовать и уничтожить беспорядочно перемещающийся по телу очаг боли. Бросаясь из стороны в сторону, он рассеивал внимание и терял контроль над все большим числом участков своего тела. Он чувствовал, что слабеет, теряет силы, разваливается на куски и никак не может

этому воспрепятствовать. Блуждающая боль не давала возможности сосредоточиться. Он умирал. Пластуны пятились назад, отступали в лес.

Выбежав на свет, Закладин сделал по инерции еще несколько шагов и без сил опустился на землю.

– Скорее! – тянула его за руку Стелла. – Здесь рядом есть ворота!

– Все в порядке, – взглянув на девушку, вымученно улыбнулся Закладин. – Сегодня они уже не вернуться.

– Вы закончили? – спросил губернатор Дилон и тяжело, безнадежно вздохнул, когда Закладин кивнул.

Речь Закладина губернатор слушал, не пытаясь скрыть раздражения. Закладин старался не смотреть на него, переводил взгляд с Хансена, вертевшего в пальцах авторучку, на Уилсона, рассматривающего свои большие руки. Кроме вышеперечисленных, за овальным столом сидели еще двое пожилых мужчин, представить которых Закладину губернатор не счел нужным, и Стелла. Когда девушке удалось поймать взгляд Закладина, она едва заметно ободряюще улыбалась ему.

– Мы внимательно выслушали ваше сообщение, – продолжал губернатор. – И я думаю, что выскажу мнение всех собравшихся: я не нашел в нем ничего рационального. Все ваши предположения построены на догадках и домыслах.

– Но мы вместе со Стеллой видели огромное скопление пластунов, готовых к штурму энергетической подстанции, – попытался возразить Закладин.

– Уилсон, – губернатор перевел взгляд на командира корпуса охраны.

Терри Уилсон убрал руки со стола.

– Этой ночью мы наблюдали скопление пластунов в районе шестнадцатой сторожевой вышки, – глухо произнес он. – Я не исключаю, что именно ваше нападение с тыла, господин Закладин, дезориентировало пластунов и помешало им провести атаку.

– Раньше были случаи, чтобы пластуны одновременно атаковали изгородь в двух разных местах? – спросил Закладин.

– Нет, – ответил Уилсон. – Но, даже если пластунам удалось бы прорваться за изгородь, они бы не смогли причинить никакого вреда энергоподстанции, находящейся в герметично закрываемом ангаре.

– Я не знаю, что собирались предпринять пластуны, – покачал головой Закладин. – Но они собирались напасть именно на энергетическую подстанцию.

– Почему же Стелла, находившаяся рядом с вами, не знала об этом? – задал вопрос губернатор.

– У нее не было контакта с Большим Пластуном.

Губернатор развел руками.

– Вы пробьли на Штраке всего пару месяцев и рассказываете нам, коренным штракианам, удивительные вещи про пластунов, о которых мы даже не подозревали, – произнес он с изрядной долей иронии.

– Жителям Штрака, вероятно, не доводилось встречаться с Большим Пластуном иначе, как во время атаки на изгородь. А в горячке боя не до поисков контакта.

– Видите ли, Семен, – медленно произнес Хансен. – Я уверен, что вы не собираетесь умышленно вводить нас в заблуждение. Но, согласитесь, вы находились в непривычной для себя обстановке, были крайне возбуждены... Кое-что могло вам просто показаться. Вы подумали об опасности нападения пластунов на энергетическую подстанцию, а через секунду решили, что восприняли эту мысль от пластунов.

– Нет, – упрямо покачал головой Закладин. – Все было именно так, как я говорю.

– Следовательно, сегодня ночью нам следует ожидать нападения пластунов, сосредоточив все силы между пятнадцатой и шестнадцатой вышками? – спросил один из незнакомых Закладину людей.

– Сегодня ночью Большой Пластун может поменять свое решение и нанести удар совсем в другом месте. Он учится драться, учится этому у вас. И если вы сами не прекратите войну... Закладин умолк, натолкнувшись на жесткий, неприязненный взгляд губернатора.

– Большое спасибо, господин Закладин, за ваш любопытный рассказ, – тихим, напряженным голосом произнес он. – Кто-нибудь еще желает высказаться?

Губернатор обвел взглядом присутствующих. Желающих не нашлось.

– Господин Хансен.

Хансен, не ожидавший никаких вопросов к себе, резко вскинул голову.

– Да?

– Я слышал, вы собираетесь сегодня в Джарвик-порт? – спросил губернатор.

– Да. – Хансен спрятал авторучку в карман. – Меня вызвали в Департамент здравоохранения, какие-то бумажные формальности.

– Вас не затруднит захватить с собой господина Закладина? У нас в поселке ему делать больше нечего, а дожидаться звездолета ему будет гораздо удобнее в столичном отеле.

Хансен посмотрел на Закладина и, как бы извиняясь, – что я могу сделать? – слегка пожал плечами.

Выходя из зала, Закладин задержался у двери, рассчитывая поговорить со Стеллой, но она быстро пробежала мимо него, бросив на ходу:

– Я заеду к тебе на днях.

Хансен с Закладиным выехали вскоре после полудня на том же джипе, который когда-то доставил Закладина в Пиллой.

Какое-то время они ехали молча. Первым нарушил молчание Хансен.

– Губернатору, конечно, не стоило выставлять вас из поселка, – примирительным тоном начал он.

– Да бог с ним, с губернатором, – перебил Закладин. – О чем думаете вы, остальные жители Пиллоя и других приграничных поселений? Война с пластунами стала для вас основным занятием, главной целью в жизни.

– Война когда-нибудь кончится, – не очень уверенно сказал Хансен.

– Когда-нибудь? – Закладин потер пальцем глаз, в который попала соринка. – Да ей конца не видно. Пластуны научились воевать не хуже вас. Поставив их на грань выживания, вы просто не оставили им иного выхода.

– Метелочное масло – основа экономики Штрака. Мы обязаны думать о будущем наших детей. – Хансен сделал короткую паузу и быстро закончил: – Вы можете пойти со своими заявлениями в любое правительственное учреждение, и везде вам ответят то же самое. Мы выполняем государственную программу.

– В наследство своим детям вы оставите вместе с метелочными полями еще и бесконечную войну, втянутыми в которую они окажутся с самого рождения. – Закладин всем корпусом развернулся к Хансену. – Вы не хотите мне верить, но я отвечаю за каждое свое слово, произнесенное в доме губернатора. Большой Пластун – это не просто огромное скопище пластунов. Это коллективный разум, способный анализировать ситуацию и принимать нужное решение. Вчера он управлял действиями нескольких тысяч пластунов, но что вы будете делать, если он объединит собой всех пластунов Штрака? Возможно, пока он только учится владеть своим огромным телом.

Хансен, сосредоточившись на управлении машиной, ничего не ответил. Они больше не разговаривали до самого конца пути.

В город въехали в сумерках. Хансен остановил машину у восьмиэтажного отеля с зеркальными стеклами.

– Я переночую тут же, – сказал он.

Закладин безразлично пожал плечами, подхватил свои сумки и вошел в открывшиеся перед ним двери.

Утром Закладин проснулся довольно поздно. Не спеша позавтракав в ресторане на первом этаже отеля, он отправился побродить по городу. Времени у него теперь было много, а девать его совершенно некуда.

Джарвик-порт состоял главным образом из служб космопорта и правительственных учреждений. Функциональная строгость и прямота линий служебных зданий смягчались маленькими тенистыми парками с фонтанами, разбросанными в огромном количестве по всему городу, а садики с площадками для игр, на которых, весело повизгивая, резвилась детвора, делали Джарвик-порт по-домашнему спокойным и уютным. Город был небольшой – Закладин обошел его весь за два с небольшим часа. Взяв на заметку пару кинотеатров, библиотеку и информационный центр, Закладин повернул в сторону отеля, единственного, как он понял, в городе.

В дверях парадного подъезда он едва не столкнулся с выбегающим навстречу ему Хансеном. Лицо его было встревоженным, сквозь плотный слой загара проступали багровые пятна на скулах.

– Пластуны ворвались в Пиллой! – крикнул он и бросился к машине.

Через секунду, осмыслив услышанное, Закладин вслед за ним прыгнул на сиденье джипа. Машина сорвалась с места.

– Как это произошло? – спросил Закладин.

– Я почти ничего не знаю. – Хансен не отрывал взгляда от несущегося под колеса дорожного полотна. – Мне сообщили об этом, когда я был в департаменте. Ночная атака была слабой, ее без труда отбили. Пластуны снова напали утром, когда никто этого не ожидал. В Пиллой направлены спасательные отряды из центра. Ближайшие к нам поселки выставляют кордоны, возводят защитные сооружения с целью предотвратить дальнейшее продвижение пластунов.

– Бесконечная война, – тихо, едва слышно произнес Закладин.

Хансен, стиснув зубы, ничего не ответил. Возможно, он и не услышал слов Закладина. Суставы его пальцев, вцепившихся в руль, были белыми.

После часа бешеной гонки они увидели на горизонте тяжелые клубы медленно расплывающегося в стороны, словно придавленного к земле, дыма.

– Это в поселке? – спросил Закладин.

– Или где-то очень близко от него, – ответил Хансен. – Наверняка против пластунов применили напалм.

Еще через некоторое время, когда по обе стороны от машины проносились возделанные поля, они увидели первых пластунов. Черные тела переползали неспешно с грядки на грядку, подминая под себя зеленые кусты томатов.

– Далеко же они расплзлись, – скрипнул зубами Хансен.

По мере приближения к поселку пластунов по обочинам дороги становилось все больше. Но вели они себя спокойно, не обращая никакого внимания на движущуюся машину. На дороге старались не выползать. Нетронутыми стояли и загоны с пасущимися в них животными.

Поселок был цел. Слабо дымился только один дом на краю, выходящем к границе. Дымы, которые издали заметили Закладин с Хансеном, поднимались левее и ближе к изгороди.

Улицы были запружены людьми, в большинстве своем одетыми в черные комбинезоны, с оружием в руках. Это были не только жители Пиллоя, но и пришедшие им на помощь бойцы корпусов охраны из соседних поселков. Но ни одного пластуна – ни живого, ни мертвого – Закладин в поселке не увидел.

На центральной площади стояли два вертолета, в которые спешно загружали носилки с тяжело ранеными. В стороне, сидя на траве в тени домов, ожидали своей очереди пострадавшие, которым не требовалась экстренная медицинская помощь.

– Андрей. – Хансен тронул за плечо человека в разорванном комбинезоне, левая рука которого, наспех небрежно перебинтованная, висела на перевязи.

Человек обернулся. Половина его лица была покрыта большим жирным пятном противожоговой мази. Узнав Хансена, он попытался улыбнуться, но только скорчил вместо этого какую-то страшную гримасу.

– Привет, Мат, – почти не двигая обожженными губами, произнес он голосом чревоушателя. – Тебе повезло, что не был в этом аду.

– Что произошло? – Хансен присел на корточки рядом с раненым.

– Пластуны напали днем, когда утренняя смена вышла за изгородь, чтобы оттащить в лес мертвых. Одним махом были выведены из строя все ребята из корпуса охраны. Они даже, кажется, не успели сделать ни одного выстрела. Да и никто на их месте не смог бы ничего сделать. Днем пластуны нападают редко, да и то только поодиночке, шальные. А здесь... Куча пластунов, вывалившихся из леса, окружила рабочих плотным полукольцом и стала теснить их к изгороди. У каждого из них был ручной трассер, но сколько пластунов из него прихлопнешь? Десять? Двадцать? А! – Андрей безнадежно махнул здоровой рукой. – С вышек не стреляли, боялись задеть людей. Когда пластуны вплотную прижали рабочих к сетке, изгородь обесточили и подогнали к ней пару бронемашин. Собирались прорезать в сетке дыру, втащить через нее людей и тут же заткнуть вездеходами. Но как только отключили ток, пластуны бросились на изгородь, размазали по ней людей и в считанные секунды повалили целую секцию. Тут же из леса выкатились новые пластуны. Сколько их там было! Казалось, что шевелится сама земля! Вездеходы, попытавшиеся закрыть проход, они просто опрокинули и отбросили в стороны, все равно что консервные банки. После этого началось настоящее светопреставление. Я был на двенадцатой вышке вместе с Кевином и Ханом. Невозможно было разобраться, в какую сторону стрелять, – пластуны повсюду! И к тому же то там, то здесь среди этой черной трясины виднелись островки, на которых пытались отбиться люди! Связи не было. Секции изгороди вылетали одна за другой. Рухнула четырнадцатая вышка, за ней – пятнадцатая. Начала раскачиваться и наша. Мы решили спуститься ниже и ждать помощи. Один раз вышку потрянуло так сильно, что я выронил станковый трассер, который мы потащили с собой, а Хан не удержался и полетел с лестницы вниз. Как он кричал... Потом взорвалась силовая подстанция. Нам с Кевином было видно, как пластуны, перепахивая метелочные поля, расползались в стороны и все дальше на запад. Но в поселок они не вошли. А из леса ползли все новые и новые полчища. Казалось, им не будет конца. Они повалили все вышки вдоль изгороди, наша тоже в конце концов рухнула. Но мы успели спуститься низко и отделались довольно легко. – Андрей тронул свою перевязанную руку. – У Кевина вообще ни царапины. Он и помог мне вскарабкаться на вставшую на дыбы станину. Оружия у нас не было, но пластуны больше не обращали на нас никакого внимания. Через пару часов нас сняли вертолетом.

Андрей умолк, обхватив большую руку здоровой и чуть покачивая ее.

– Пластуны сами не пошли в поселок или его удалось отстоять? – спросил Закладин.

– Нет, – отрицательно покачал головой Андрей. – Поселок они почему-то обошли стороной. Представляю, какое месиво началось бы здесь...

Закладин пристально посмотрел в глаза Хансену.

– Пластуны не хотят войны.

– Пойди, скажи об этом губернатору, – устало прикрыл глаза Хансен и махнул рукой куда-то в сторону.

Посмотрев в направлении, указанном Хансеном, Закладин увидел губернатора Дилона. В сопровождении вооруженных «радугами» бойцов он пробирался к центральной площади. Сам он тоже был одет в защитный комбинезон с откинутым на спину шлемом и сжимал в руках трассер с таким видом, словно каждую секунду ожидал нападения притаившихся врагов. Добравшись до центра площади, он остановился, взобрался на невысокий ящик, который кто-то подставил ему под ноги, и призывно вскинул руку.

– Друзья мои! Сратники!

Головы скопившихся на площади медленно, будто движимые против воли какой-то внешней силой, поворачивались в сторону громкого, чуть хриповатого голоса губернатора, проникновенно выбрасывающего в воздух слова.

– Сегодня нам был нанесен жестокий удар! Уничтожены пограничная изгородь, сторожевые вышки, сильно пострадала энергетическая подстанция, почти полностью уничтожены метелочные поля! Наш поселок! – Губернатор широко раскинул руки в стороны. – Мы отстояли его сегодня и никогда не отдадим никакому врагу! Да, нам будет трудно, будет тяжело! Но мы не сдадимся! Мы начнем все сначала! Мы восстановим границу и уничтожим прорвавшихся на нашу территорию пластунов! Но на этом мы не остановимся! Мы пойдем дальше, дойдем до восточного побережья и сбросим пластунов в океан!..

Закладин опустил на траву. Он наклонил голову и, упершись локтями в колени, зажал ладонями уши.

Со стороны границы ветер нес плотные клубы густого черного дыма.

МЫ ПРОСТО ЖИВЕМ ЗДЕСЬ

Набрав несколько цифр на клавиатуре карманного калькулятора, Марк Сирено положил его на полированную поверхность стола так, чтобы сидевшему напротив него Арвиду Сорму было видно высвеченное на табло число.

– Я согласен, – едва заметно наклонил голову Сорм.

Сирено удивленно приподнял левую бровь.

– Вы соглашаетесь, не зная даже, что именно я собираюсь вам предложить?

– Я охотник, – привычно усмехнулся Сорм. – Наверное, вы пригласили меня к себе не затем, чтобы предложить выступить в конкурсе бальных танцев.

– И вам абсолютно все равно, на кого предстоит охотиться?

– За эту сумму, – Сорм постучал указательным пальцем по калькулятору, – я добуду для вас любую тварь, если только вы назовете мне планету, на которой она водится.

– Отлично. – Сирено откинулся назад, утонув в глубоком кожаном кресле, и, переплетя пальцы, сложил руки на груди. – Мне нужно чудовище с Тетиса.

Сорм щелкнул ногтем, и калькулятор заскользил по столу в сторону Сирено.

– Я не охочусь на призраков.

– Вы же сказали, что можете добыть любое животное...

– Да, но только в том случае, если оно существует в действительности. Чудовище с Тетиса – миф, охотничья байка.

– А что вы скажете об этом?

Сирено выложил на стол цветной фотоснимок, на котором была запечатлена голова зверя с разинутой пастью, покрытая напозающими друг на друга слоями мощных, зазубренных по краям роговых пластин. Маленькие, горящие злобой глазки едва виднелись из-под толстых, мясистых складок зеленовато-серой пупырчатой кожи. В угол кадра попала и пятипалая лапа зверя с устрашающими крючьями когтей.

– Такого зверя я никогда не видел, – сказал Сорм, едва взглянув на снимок.

– Это чудовище с Тетиса.

– Вас вводят в заблуждение или попросту дурачат. Откуда у вас эта фотография?

– Вы знаете, что недавно погиб Поль Патини? – вместо ответа задал вопрос Сирено.

– Да. Я уже слышал об этом.

– Но вам, должно быть, неизвестно то, что он погиб на Тетисе, пытаясь добыть для меня чудовище. Второй большой страстью Патини после охоты была фотография. Этот отпечаток сделан с пленки из фотоаппарата, который висел у него на груди. Чудовище растоптало Патини, и просто чудо, что фотоаппарат уцелел. Это последний снимок Поля Патини.

Сорм взял фотографию в руки, чтобы рассмотреть ее внимательно.

– Я всегда считал разговоры о чудовище с Тетиса пустой болтовней, – сказал он, пожав плечами. – На Тетисе есть небольшая колония, я разговаривал с ее жителями, и все они в один голос уверяли, что на планете нет никаких крупных хищников, не говоря уж о чудовище. А кто может знать леса Тетиса лучше, чем они?

– Быть может, они намеренно не говорят о звере, чтобы не привлекать на планету охотников, желающих заполучить редкостную добычу, – высказал предположение Сирено. – Насколько мне известно, обосновавшиеся на Тетисе колонисты ведут довольно-таки патриархальный образ жизни.

– Возможно, – подумав, согласился с ним Сорм.

Он взял со стола фотографию чудовища, чтобы еще раз внимательно посмотреть на нее.

– Так вы беретесь за дело? – спросил после непродолжительной паузы Сирено.

– А почему бы и нет, – с равнодушным видом пожал плечами Сорм. – Ведь оплачиваете экспедицию вы. Если даже я и не найду на Тетисе чудовища, то уж по крайней мере проведу время с удовольствием да еще и за ваш счет. Одного не могу понять: зачем вам этот зверь?

– Тщеславие, самое обыкновенное тщеславие состоятельного человека. – Сирено рассмеялся и развел руки в стороны, как будто пресловутое тщеславие было спрятано у него на груди под ладонями. – Хочется иметь нечто такое, чего нет ни у кого другого. Возможно, если вы добудете чудовище, его голова украсит стену гостиной Охотничьего клуба, а рядом с ней будет повешена табличка с надписью: «Дар Марка Сирено».

* * *

Выйдя из посадочного модуля, Сорм, как и в первое свое посещение Тетиса, замер от восторга, пораженный нереально чистым изумрудным цветом окружающей его со всех сторон зелени. Разве могут водиться какие-то там чудовища в столь сказочном лесу? Им здесь просто не место!

Кусты на краю поляны зашевелились. Сорм насторожился и сделал шаг назад к двери модуля.

Из кустов вылез мальчуган лет пяти-шести с растрепанными волосами, выгоревшими до светло-соломенного цвета. Из одежды на нем были только обрезанные у колен синие штаны, держащиеся на перекинутой через плечо лямке.

Сорм рассмеялся и поманил паренька к себе.

– Эй, привет! Как тебя зовут?

Мальчик без всякой боязни подошел к Сорму.

– Вахо, – серьезно, стараясь казаться взрослым, ответил он и протянул охотнику руку, которую Сорм осторожно пожал.

– А как ты здесь оказался? – поинтересовался Сорм.

– Я видел, как ты прилетел, – ответил Вахо.

– Мама тебя не заругает за то, что далеко от дома ушел?

Мальчуган отрицательно потряс головой.

– И волков ты не боишься?

– Здесь нет волков.

– А другие звери?

– Они все нестрашные, – беззаботно махнул рукой Вахо.

– Ну, раз ты у нас такой бесстрашный герой, тогда, может быть, проводишь меня до поселка?

– Конечно, – с готовностью согласился Вахо.

Загрузив свое снаряжение на самодвижущуюся пневмоплатформу, Сорм усадил на передний край Вахо, и они двинулись в путь.

Мальчик великолепно знал лес и всех его обитателей, и, поскольку дорога оказалась неблизкой, Сорм успел получить массу интереснейшей информации о фауне Тетиса. Но, когда он показал Вахо фотографию чудовища, тот, удивленно посмотрев на нее, с категоричной определенностью заявил:

– Такого страшилища в нашем лесу нет.

* * *

– Ну наконец-то пришли, – сказал Сорм, когда они выбрались из леса и увидели впереди среди лугов деревянные домики, сгрудившиеся вокруг небольшого озера с пронзительно-синей водой.

– Если бы не твоя тележка, то мы добрались бы до дома гораздо быстрее, – сказал Вахо.
– Тебе не понравилось кататься на платформе? – удивился Сорм.
– Так себе, – сморщил нос мальчик. – Мне больше нравится летать.
– У тебя есть велоплан, – догадался Сорм.
– Нет у меня никакого велоплана, – покачал головой Вахо.
– Как же ты тогда летаешь?
– Просто так. На крыльях.
– На каких крыльях?
Мальчик глянул на Сорма искоса: уж не подшучивает ли над ним этот чужой взрослый?
– Ты что, не умеешь выращивать себе крылья? – с недоверием спросил он.
– Ну как же, конечно, умею! – Сорм понял, что Вахо просто фантазирует, как и все дети, и решил немного подыграть ему. – Но ты-то бегаешь почти голышом, – он похлопал мальчика по загорелой спине, – а мне куртка мешает.
– Так сними ее.
– Не могу, – беспомощно развел руками Сорм. – Замерзну.
Вахо весело рассмеялся.
– Ты очень смешной, – с детской непосредственностью сообщил он. – Ты мне нравишься.
Ты долго у нас пробудешь?
– Это уж как получится, – неопределенно ответил Сорм, поскольку и сам не знал, как долго задержится на Тетисе.

* * *

Аккуратные одноэтажные дома поселка не были похожи на однообразные, собранные из стандартных строительных панелей, какие почти всегда можно увидеть в небольших колониях. Соединяющие их тропинки петляли в густой высокой траве. Среди сочных зеленых стеблей копошились куры. Откуда-то со стороны донеслось протяжное и сочное мычание коровы.

– Это корова Петерсов, – тут же сообщил Вахо. Они вместе с гостем входили в это время на просторный двор, посыпанный крупным желтым песком. – А мы держим хрюшек. Ну и кур, конечно. Куры есть у всех, а коровы только у Петерсов и Исаевых: их молока хватает на весь поселок.

На крыльцо вышла женщина, одетая в клетчатую рубашку с закатанными по локоть рукавами и полинялые джинсы. Волосы ее, свободно спадавшие на плечи, были такого же цвета, как и у Вахо.

– Мама! Мама! – радостно закричал мальчик. – Я гостя привел! Его зовут дядя Арвид!

Женщина ничуть не удивилась неожиданному гостю.

– Очень рада, – приветливо улыбнулась она, протягивая Сорму руку. – Меня зовут Мария. Вы как раз вовремя – мы садимся ужинать.

В комнате за столом уже сидели сестра Вахо Светлана, такая же светловолосая, как брат, девочка лет двенадцати, и их отец, широкоплечий великан с роскошной вьющейся шевелюрой, перехваченной на лбу узким кожаным ремешком, и густыми черными усами. Сержио – так звали мужчину – тоже обрадовался гостю и долго, улыбаясь, тряс ему руку.

Сорма даже несколько смутил столь радушный прием. Он-то рассчитывал всего-навсего найти крышу над головой до утра. Немного удивило его и то, что никого, похоже, совершенно не интересовала цель его прибытия на Тетис.

Мария поставила на стол большую глубокую миску с отварной картошкой, другую – с крупно нарезанными кусками вареного мяса, бутылку с растительным маслом, набор приправ и кувшин с молоком. Каждый сам наливал и накладывал себе чего и сколько хотел. Сорм, при-

выкший довольствоваться консервами и пищевыми концентратами, ел с огромным удовольствием.

После ужина Сержио предложил Сорму посмотреть свое хозяйство.

– Великолепные хрюшки, – сказал Сорм тоном знатока, взглянув на розовых, откормленных свиней, довольно похрюкивающих в просторном и чистом загоне. – Что за порода?

– Местные, – с гордостью ответил Сержио.

– Вы вывели здесь новую породу? – удивился Сорм.

– Нет, – улыбнулся Сержио. – Это свиньи с Тетиса.

– Вы хотите сказать, что на Тетисе живут дикие свиньи? – откровенно недоверчиво посмотрел на хозяина Сорм. – Абсолютно такие же, как те, которых разводят на фермах?

– Ну какие же они дикие. – Сержио почесал за ухом толстую свинью, которая тут же завалилась на бок и захрюкала от удовольствия. – Они же совершенно домашние.

– Но вы не привозили их с собой?

– Нет, мы нашли их здесь.

– Но это же совершенно невозможно! – воскликнул Сорм. – Не может быть, чтобы на Земле и на Тетисе жили сами по себе совершенно одинаковые свиньи! Да еще к тому же и домашние! Должно быть, кто-то привез их на Тетис до вас.

– А заодно с ними привез и кур, и коров, и кроликов, и лошадей, – весело продолжил Сержио, загибая пальцы на руке. – Нет. Я прилетел на Тетис одним из первых и совершенно определенно могу сказать, что никто эту живность сюда не завозил. Это все местные животные.

Сорм недоумевающе развел руками.

– Такого просто не может быть. Это все, что я могу сказать.

– Тетис – удивительная планета. – Сержио улыбнулся, довольный произведенным на гостя впечатлением.

Сорм же подумал, что его просто разыгрывают, и решил сменить тему разговора.

– Вы давно живете на Тетисе?

– Не очень. Светлана родилась еще на Земле, а вот Вахо – коренной тетисианин.

– И все же мне кое-что неясно, – задумчиво качнул головой Сорм.

– Что именно, Арвид?

– Насколько я могу судить, Тетис – планета, идеально подходящая для жизни людей.

– Более того, – широко улыбнулся Сержио. – Если бы я был богом и искал место для рая, я бы непременно остановил свой выбор на Тетисе.

– В таком случае почему у вас такая маленькая колония? Не хватает желающих поселиться в раю?

– Желающих-то как раз хватает, только немногие приживаются у нас.

– А что так?

– Вы, наверное, уже заметили, что у нас в хозяйстве нет никаких машин?

– Да, конечно, – кивнул Сорм.

– Дело в том, что на Тетисе можно жить только единой жизнью со всей природой планеты. Необходимо уметь чувствовать себя частью единого целого. Природа не терпит ничего инородного и сразу же отторгает или даже уничтожает то, что для нее неприемлемо. Для чего нужны машины, когда мудрая и щедрая природа сама может дать человеку все необходимое для жизни?

– Ну, так уж и все? – Лицо Сорма буквально перекопилось от скепсиса.

– Все! Абсолютно все дает нам природа Тетиса, требуя взамен не так уж много: не забывать о том, что мы и она суть единое и неразделимое целое.

– Понятно, – снова кивнул Сорм. – Многие не хотят оставаться в вашей колонии, потому что вы требуете непременно отказа от всех благ цивилизации, а это далеко не каждому по вкусу.

– Смотря что считать благом. У нас в поселке прекрасные библиотека и видеозал. Есть компьютер с выходом во Всеобщую коммуникационную сеть. В домах хозяйки готовят пищу, используя универсальный кухонный автомат.

– Уже что-то, – с изрядной долей сарказма, оставшегося, впрочем, не замеченным Серджио, произнес Сорм. – Однако для работы даже тех аппаратов, что вы назвали, требуется электричество. А чтобы получить электроэнергию...

– Вы не поверите, но электроэнергию мы получаем тоже из природного источника.

– Наверное, подключаете кабель к бассейну с электрическими угрями? – с усмешкой предположил Сорм.

– Вы почти угадали, – улыбнулся Серджио.

Сорм с театральной трагичностью развел руками.

– Похоже, что я человек совершенно не пригодный для жизни на Тетисе.

– Ну что вы! Еще ничто не потеряно. Я в свое время прилетел на Тетис примерно с такими же мыслями, что и у вас, намереваясь перепахать всю планету, с тем чтобы облагородить дикую природу и подогнать ее под собственные представления о красоте и целесообразности. Но изменять пришлось не планету, а себя. Тетис научил нас тому, что жить можно иначе, совсем не так, как мы себе это представляли: не сражаясь с природой, а стараясь понять ее. Поживите у нас подольше, и вы сами это почувствуете.

– Спасибо, Серджио, возможно, я и воспользуюсь вашим предложением, но как-нибудь в другой раз. Сейчас я прилетел на Тетис с вполне определенной целью – я собираюсь поохотиться.

– Охотиться? – Лицо Серджио выражало одновременно удивление и испуг. – Но на кого можно охотиться на Тетисе? На домашних свиней?

– Я хочу добыть так называемое чудовище с Тетиса.

Серджио с растерянным видом развел руками.

– На Тетисе нет никаких чудовищ.

– Недавно на Тетисе погиб охотник Поль Патини.

– Да, я знаю об этом, – быстро кивнул Серджио. – Но это был просто несчастный случай.

Мы предупредили его, что охотиться на Тетисе нельзя.

Сорм достал из нагрудного кармана фотографию и протянул ее Серджио.

– Этот снимок Поль сделал перед смертью.

– Такого зверя на Тетисе нет! – уверенно заявил Серджио.

– Откуда же взялся снимок?

– Не знаю. Но только не с Тетиса.

– Хорошо, пусть будет так. – Сорм убрал фотографию. – Но вы же не запретите мне попытаться найти этого зверя?

– Да ради бога, – прижал руки к груди Серджио. – Но лучше, если вы будете делать это без оружия.

– А если чудовище нападет на меня?

– Да нет же здесь никакого чудовища! – почти с отчаянием воскликнул Серджио.

– Но я-то в него верю.

– Наши дети целыми днями пропадают в лесу, и ни разу ни с одним из них ничего не случилось.

– И все же я возьму с собой ружье, – объявил свое окончательное решение Сорм. – Что за охотник без ружья?

– Но наши дети... Они гуляют в лесу!

Сорм улыбнулся и, чтобы успокоить Серджио, положил руку ему на плечо.

– Не беспокойтесь, у меня нет привычки палить без разбора во все, что движется.

* * *

Сорм отправился в лес утром следующего дня. На передке пневмоплатформы, как и вчера, восседал Вахо, которому родители разрешили проводить дядю Арвида.

– Вахо, ты можешь показать мне место, где недавно произошел несчастный случай с охотником? – спросил у мальчика Сорм.

– Конечно, – уверенно кивнул тот. – Это совсем недалеко.

– А ты не знаешь случайно, что с ним случилось? – поинтересовался Сорм.

– На него упало дерево, – ответил Вахо.

Лес, по которому они двигались, был удивителен: дикий и густой, он был насквозь пронизан солнечными лучами и от того выглядел совершенно безопасным. Порой Сорму казалось, что деревья специально расступаются в стороны, чтобы пропустить его и платформу. Вахо, сидя на краю, беззаботно махал ногами и время от времени срывал с наклонившихся вниз ветвей большие яркие плоды. Он угощал ими Сорма и с удовольствием грыз сам.

Нет, определенно в таком лесу не могло быть никаких чудовищ!

– Вот это место, – сказал Вахо, когда они вышли к небольшой прогалине, на краю которой лежало с корнем вывернутое из земли дерево.

– Ты в этом уверен? – переспросил на всякий случай Сорм.

– Но вот же упавшее дерево! – Вахо хлопнул ладошкой по покрытому старой морщинистой корой стволу.

– Нам уже встречались поваленные деревья, – все еще с некоторой долей сомнения заметил Сорм. – Почему ты думаешь, что это именно то, которое нам нужно?

Мальчик весело рассмеялся.

– Как-то раз я видел фильм про большой город. Я смотрел и удивлялся, как люди в нем находят дорогу среди огромных серых домов и совершенно одинаковых улиц? Потом папа объяснил мне, что у каждого дома есть свой номер, а у каждой улицы – название. Но все равно мне кажется, что в городе заблудиться гораздо проще, чем в лесу.

– Ну, в таком случае я остаюсь здесь, – согласился Сорм с доводами своего маленького проводника. – А как же ты вернешься домой?

– За меня не волнуйтесь, – беззаботно махнул рукой Вахо. – Немного погуляю, а потом – долечу.

– Ах да, я совсем забыл о твоих выдающихся способностях, – с показной серьезностью произнес Сорм.

Мальчуган не заметил иронии в его голосе.

– Ничего в этом нет выдающегося, – ответил он. – У нас в поселке многие ребята умеют летать.

* * *

Когда Вахо, попросившись, скрылся за деревьями, Сорм начал разбирать снаряжение. Поставив палатку на краю поляны между двумя толстыми стволами, он установил вокруг нее систему силовой защиты, не раз уже выручавшую его прежде.

Быстро покончив с обустройством на новом месте, Сорм сунул в карман плоскую коробочку курсоопределителя, закинул за плечо автоматическую винтовку, выполненную по специальному заказу, и отправился осматривать окрестности.

Битых четыре часа проходил он по лесу, но не встретил никого, кроме птиц и маленьких пушистых зверьков, похожих на бурундуков, с любопытством поднимавшихся на задние лапки

и забавно вытягивавших вверх носы при приближении человека. Не попалось ему и каких-либо следов, указывающих на присутствие в лесу крупного хищника.

Придя к мнению, что ловить здесь действительно некого, Сорм тем не менее решил выполнить свою работу добросовестно и сполна отработать деньги, вложенные в экспедицию Марком Сирено. Вернувшись к палатке и наскоро перекусив консервированным мясом с овощами, он вновь отправился в обход окрестностей с тем, чтобы расставить капканы. У него в запасе имелся большой набор универсальных синтетических приманок, но обычно, ставя капканы, он предпочитал использовать в качестве приманки кого-нибудь из представителей местной фауны. Опыт показывал, что именно такой способ дает наилучшие результаты. Но за целый день хождения по лесу Сорм не встретил дичи, крупнее бурундуков. Не стрелять же было такую мелочь.

К удивлению Сорма, в тот самый миг, когда он подумал о крупной дичи, среди деревьев мелькнула пятнистая оленья шкура. И ведь именно оленя представлял себе Сорм в эту минуту!

Сорм вскинул винтовку и, почти не целясь, выстрелил. Животное всхрапнуло, судорожно рванулось в сторону, ломая кусты, но тут же упало, ткнувшись в землю роскошными ветвистыми рогами.

Сорм подошел к убитому оленю. Даже мертвый он был великолепен. Однако Сорму показалось странным то, что убитый зверь по внешнему виду ничем не отличался от земных оленей. Кроме того, за целый день, проведенный в лесу, Сорм не только не встречал других оленей, но даже не видел их следов, пропустить которые опытный охотник не мог. Трудно было поверить в то, что лежащий на земле мертвый олень был единственным представителем своего вида на весь лес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.